

С.П. Обогуев

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ИСТОРИИ

*Заметка представляет вспомогательное приложение к готовимой работе
"Демографические и антропологические потери России под советским строем",
независимое по содержанию от самой работы и извлечённое для удобства
в виде отдельной статьи.*

Исчисление ущерба (в т.ч. размера демографического и антропологического ущерба) нанесённого большевизмом русскому обществу как разницы между фактическим состоянием (демографической численностью и антропологическим качеством населения) русского общества на некоторый момент времени при советском строе и состоянием, в котором русское общество находилось бы при естественном эволюционном развитии по буржуазно-демократическому пути, иногда вызывает возражение о недопустимости такого исчисления в силу контрфактичности последнего состояния, с изрекаемой при сём сентенцией, что якобы "история не знает сослагательного наклонения".

Соответственно сему рассуждению, никакое исчисление ущерба заведомо невозможно, т.к. представляет исчисление разницы между двумя состояниями (без ущерба и с нанесённым ущербом), из которых осуществилось лишь одно. Невозможно также и исчисление предотвращённого действием (либо обстоятельством и т.п.) ущерба, и даже само помышление об ущербе или предотвращённом ущербе: если кто-либо, спасая утопающего и вытаскивая его на берег, порвал при этом тонущему куртку, он оказывается обязанным возместить стоимость куртки, ибо поскольку утопление не состоялось, его перспективу непозволительно принимать в учёт.

Познавательны при этом, что нарекающие про историю якобы "не знающую сослагательного наклонения" обыкновенно не стесняются теми же губами рассуждать, что "если бы большевики не осуществили индустриализацию, страна не устояла бы перед нападением Гитлера" и т.д. – нисколько не смущаясь тем, что такое рассуждение представляет сослагательное наклонение взятое от сослагательного наклонения, ни также тем, что вся официозная историография СССР представляет из себя сплошное сослагательное наклонение: *"если бы не гражданская война, не нападение фашистской Германии на Советский Союз, не враждебное капиталистическое окружение, не происки врагов и не тяжкое наследие прошлого, светлое социалистическое будущее уже бы расцвело"*.¹ Иногда та же посылка формулируется в форме "устоять против Гитлера удалось *благодаря* советской индустриализации". Однако *если бы* и *благодаря* являются явными формами сослагательного наклонения, пытающегося мыслить путём сравнения с контрфактической альтернативой.

Важнее, однако, что указанная сентенция неверна в корне. **История существует ТОЛЬКО в перспективе сослагательного наклонения.**

Причинно-следственная связь, т.е. наблюдение или факт, что событие А произошло вследствие Б, означает, что без события А событие Б могло бы не произойти, т.е. представляет сослагательное мышление или сослагательное существование. Понятие причинной связи с необходимостью подразумевает альтернативность последствий.

Историческое мышление оперирует с причинно-следственными связями, каковые по своей природе представляют конструкции сослагательного наклонения. "Если событие или условие А, то следствие Б" означает, что "если не А, то не Б" или "возможно не Б" или "Б произошло бы по-иному".

Соответственно, мышление без сослагательного наклонения означает отказ от помышления о причинно-следственных связях событий, т.е. являет мышление о многообразии событий вне их причинно-следственной связанности и упорядоченности – иначе говоря, вне-историческое (а-историческое) мышление.²

¹ В прежние времена к этому перечню добавлялось: *«если бы не измена немецких социал-демократов – Эбертов и Шейдеманнов – сорвавшая в 1918 г. социалистическую пролетарскую революцию в Германии...»*

² В частности, верующий, что "у истории нет сослагательного наклонения", не в праве употреблять фразы в роде *"Они проиграли потому, что не смогли решить этих задач"*. Если у истории нет сослагательного

Мышление без сослагательного наклонения поэтому является мышлением о событиях как без-связанном (причинно-следственно несвязном) четырёхмерном многообразии событий "просто существующих", вне причинной связи друг с другом. Однако временной атрибут событий при этом становится сугубой акциденцией, не имеющей субстантивного значения. Помышляемые вне сослагательного наклонения, и тем самым вне причинной связи, события оказываются субстантивно существующими вне времени.

Безсослагательное мышление представляет поэтому фундаментально внеисторическое (а-историческое) мышление.

Ровно тем же образом безсослагательное существование событий (*само их существование, уже безотносительно к наблюдателю или аналитику*) означает несуществование причинно-следственной связи между событиями и явлениями, устранение из самой природы причинно-следственной связанности явлений, т.е. является внеисторическим (а-историческим) существованием.

Вне сослагательного наклонения возможно лишь безальтернативное статическое 4-мерное многообразие событий, детерминированных, пред-существующих (т.е. внеисторичных), лишённых причинно-следственных связей, для которых атрибут времени является лишь акциденцией, а времени в действительном, субстантивном смысле не существует, и которые поэтому не имеют истории.

Если историк предполагает достичь чего-либо большего, нежели простое перечисление хронологии событий, ему не избежать суждений об их причинной связи и обусловленности. Если мы согласимся с Е.Х. Карром в том, что "изучение истории – это изучение причин"³ и с отцом

наклонения, то возможен лишь набор фактов, а причинные связи между ними не могут быть устанавливаемы априори.

Причинная связь подразумевает что $A \Rightarrow B$ & $\neg A \Rightarrow \neg B$ (или возможно $\neg B$). Избегающий сослагательного наклонения всего лишь может сказать, что наличествует А и наличествует В, и этой констатацией его возможности исчерпываются; рассуждать про сослагательную ситуацию $\neg A$ он не в состоянии, и также не в состоянии пытаться судить, последовало бы из $\neg A$ $\neg B$ или не последовало.

³ Е.Н. Carr, "What is History?", NY : Alfred A. Knopf, 1961, стр. 113. Не все, впрочем, с этим соглашались, как напр. итальянский философ и историк Бендетто Кроче, полагавший, что "понятие причины чуждо истории и должно оставаться чуждым ей, поскольку оно родилось в области естественных наук и там поставило свой стол. На практике никому ещё не удавалось описать какое-либо историческое событие, уравнивая следствия и причины" (В. Croce, "Philosophy poetry history : An anthology of essays", London: Oxford University Press, 1966, стр. 558). Однако преобладающее большинство историков полагают, что важно объяснение исторических событий, а не только простое перечисление, что, где и когда случилось. Исторические работы наполнены утверждениями о том, что то или иное событие обусловило другие события, определённые факторы повлияли на другие факторы или породили их, события оказали воздействие на действующих лиц и повлекли разнообразные предвидевшиеся и неожиданные последствия и т.д.

Едва ли не единственным *гипотетическим* кандидатом на систематическое исключение можно полагать разве что немецкую историографическую школу Леопольда Ранке и его последователей 1830-1880-х гг. (и отчасти хвоста "неоранкианцев" на рубеже 19-20 вв.), в её *традиционном позитивистском изображении*, далёком от действительности. Согласно обычной позитивистской интерпретации, принципы школы Ранке идеализировали частное и уникальное и отвращались от поиска закономерностей. Они отвергали всё дедуктивное, предположительное, всякие обобщения и умозаключения. Школа Ранке рассматривала историческую картину в микроскоп, без возможности видеть что-либо не уместившееся по размеру в окуляр микроскопа. Согласно Ранке, "задача исторического труда состоит в точной презентации фактов", под которыми подразумевались индивидуальные, атомарные факты. Цель исторического исследования, по Ранке, заключается в понимании не происхождения и подоплеку современности, а прошлого на основе его частно-фактового описания. Соответственно, хотя в центре внимания Ранке находится политическая история, Ранке мало интересовался исторической ролью экономических и социальных факторов. Однако эта распространённая позитивистская интерпретация принципов школы Ранке является искажённой и полуправдивой; Frederick C. Beiser, "The German Historicist Tradition", Oxford University Press, 2011, стр. 253–288 подробно обсуждает искажённость этого изображения подходов школы Ранке. Примечательно однако, что если позитивистская интерпретация ранекизма связывала его "научность" с отказом от обобщений и установления закономерностей, усматривая в них угрозу "философичности", то формирующиеся тогда же дисциплины экономики, обществоведения и политических наук, напротив, основали свои претензии на "научность" как раз на

европейской истории Геродотом, во вступлении к своему сочинению так определившим его цель: «чтобы от времени не изгладились из нашей памяти деяния людей... *главным же образом* для того, чтобы не забыта была *причина*, по которой возникла между ними война»,⁴ то будет необходимым заключить, что сослагательные утверждения неявно присутствуют во всех академических исторических трудах, поскольку они имеют дело с причинностью. «Вся история полна неявной и явной сослагательностью [контрфактизмом]», роняет британский историк Э. Хобсбаум.⁵ Сходным образом Р. Фогель, получивший нобелевскую премию в т.ч. за историко-экономические исследования рабства в США, констатирует, что «каждый историк, приступавший к изучению причин Гражданской войны [в США]... явно или неявно предполагал, что случилось бы с рабством, если бы некоторые события развернулись иначе, чем в действительности. В самом деле, большая часть обширной литературы о причинах Гражданской войны представляет собой не что иное, как подборку свидетельств о событиях, приведших к Гражданской войне, диктуемую различными видениями этого контрфактического мира».⁶ Фогель может говорить это потому, что во всяком причинном суждении автоматически заложены подразумеваемые контрфактические импликации. Между причинными суждениями и контрфактическими утверждениями существует неразрывная связь.

Историк средних веков и раннего Нового времени, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН М.А. Юсим рассуждает о неизбежности сослагательного наклонения в исторических исследованиях:

«Нужно задать главный вопрос – для чего нужна история и чего мы от нее хотим. Действительно, есть такой парадокс: история изучает то, что было и чего изменить уже нельзя. Можно так к этому и подходить: установить факты с возможной степенью приближения, обнаружить в них закономерности и случайности, с помощью традиционных методов или с помощью современных математических теорий, и найти объяснение причин произошедшего. Опыт показывает, что таким образом мало что извлекается из истории и мало какие закономерности формулируются, кроме разве что самых банальных, типа "всё проходит".

На деле историк всегда, как мне кажется, ставит свои вопросы в сослагательном наклонении. Иначе не может быть самих вопросов, не может быть никаких объяснений, иначе то, что было, нужно просто принять в качестве такового, т.е. сослагательность всегда присутствует как необходимый элемент исторического исследования».⁷

Макс Вебер, рассуждая в очерке 1906 г. озаглавленном "Объективная возможность и адекватная причинная обусловленность в исторических объяснениях" о личных решениях людей и их последствиях в истории в виде исторических альтернатив, пишет, что «если история хочет подняться над уровнем простой хроники, повествующей о значительных событиях и людях, ей не остается ничего другого, как ставить такого рода вопросы. Именно так она и поступает с той поры, как стала наукой. Историк мог бы, например, со значительно большим шансом на успех, чем Бисмарк, поставить вопрос, каких же последствий следовало бы ожидать при ином решении. Совершенно очевидно, что такое рассмотрение событий отнюдь не является праздным... Суждение, что отсутствие или изменение одного исторического факта в комплексе исторических условий привело бы к изменению хода исторического процесса в некотором *исторически важном* отношении, оказывается весьма существенным для установления "исторического значения" факта... Совершенно очевидно, что это обстоятельство должно стимулировать исследование логической природы и исторической значимости суждений, где речь идёт о том, какого результата можно "было бы" ждать, если из совокупности условий исключить какой-либо причинный компонент или изменить его».⁸

тщательном подражании физике и иным естественным наукам в их номотетичности (поиске общих закономерностей).

⁴ Геродот, "История", кн. 1, гл. 1 // Геродот, "История в девяти книгах", М. : 1888, т. 1, стр. 1.

⁵ E. Hobsbawm, "On History", The New Press, 1997, стр. 113-114.

⁶ R. Fogel, "Without Consent or Contract : The Rise and Fall of American Slavery", NY, 1989, стр. 413.

⁷ Дискуссия // "Одиссей. Человек в истории", М. : Наука, 2000, стр. 58.

⁸ Max Weber, "Objektive Möglichkeit und adäquate Verursachung in der historischen Kausalbetrachtung" // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, т. 22, 1906, стр. 185-207; цит. по русскому переводу "Объективная возможность и адекватная причинная обусловленность в историческом рассмотрении каузальности" // М.

Историками как сообществом речёвка про "историю не знающую сослагательного наклонения" не разделяется; историки, напротив, полагают, что оценка вероятностей и перспектив потенциально возможных направлений хода истории и сравнительных последствий разных альтернатив является хотя и трудным, но легитимным предметом исторических исследований. В частности, совершенно необходимым для понимания *выборов* стоявших перед различными акторами истории и *мотивов* принятия ими делаемых решений, и для понимания *значения* происшедших событий.

Уже первый исторический труд европейской цивилизации, "История" Геродота, включает рассуждения в сослагательном наклонении. Характерный отрывок:

«Я вынужден высказать мнение, ненавистное большинству эллинов, однако не стану умалчивать о том, что кажется мне истиной. *Если бы* афиняне из страха перед угрожающей опасностью покинули свою страну или, не покидая и оставаясь на месте, *отдались бы* Ксерксу, *никто бы не решился* выступить против царя на море. Между тем, *если бы* никто не противустал Ксерксу на море, дела на суше *сложались бы* приблизительно таким образом: хотя бы пелопоннесцы и оградили себя многими стенами на Исеме, однако лакедемоняне *были бы* покинуты союзниками, не добровольно, но по необходимости, потому что варварский флот *брал бы* город за городом, и лакедемоняне *остались бы* без союзников, а одни лакедемоняне *погибли бы*, хотя бы и с честью и по совершении славных подвигов. Следовательно они или *испытаны бы* такую участь, или же раньше этого после перехода остальных эллинов на сторону мидян *сами заключили бы* мир с Ксерксом. В том и другом случае Эллада *подпала бы* под власть персов».⁹

Всего в "Истории" Геродота сочетание "если бы" встречается 95 раз, а частица "бы" и "б" – 430 раз (в т.ч. и в несослагательных контекстах, но преимущественно в сослагательном употреблении).¹⁰

Вослед за Геродотом дань сослагательному наклонению отдал древнеримский историк Тит Ливий. Несколько страниц в его эпическом трактате "История Рима от основания Города" посвящены гипотетическому походу Александра Македонского на Рим в 323 г. до н.э., который, по Ливию, закончился бы разгромом великого завоевателя.¹¹ Прочие страницы трактата Ливия также обильно испещрены сочетанием "если бы/если б" (508 употреблений) и другими сочетаниями с частицей "б/бы"; вообще эта частица встречается в трактате Ливия 2300 раз.

Во "Всеобщей истории" Полибия сочетание "если б(бы)" применяется 162 раза, а частица "бы/б" в разных употреблениях – 1315 раз, не только в сослагательных, но и в иных тоже.¹² «Нужда в хлебе и в прочих предметах необходимости угнетала их [римлян] так, что, они не раз помышляли о снятии осады и, наконец, *сделали бы* это, *если бы* Гиерон не действовал с большой ревностью и старанием и не доставил войскам нужнейших припасов хоть в умеренном количестве», «В это время на римлян в проливе напали карфагеняне; один палубный неприятельский корабль в порыве усердия бросился вперед, очутился на берегу и попал в руки римлян: по образцу его римляне и соорудили весь свой флот, так что, очевидно, *не будь такого случая*, они при своей неопытности *не могли бы* выполнить задуманное предприятие», «[Теснимые корабли] как бы находились уже в осаде, и *они, наверное, давно бы уже погибли, если бы* карфагеняне из страха перед воронами не довольствовались тем, что заперли корабли у берега и не выпускали их», «Римляне частью вследствие внезапности появления неприятеля, частью из опасения, *как бы ветер не загнал* их вместе с неприятелем в гавань противника, решились задержать движение вспомогательного войска», «Большой неосторожностью было и то уже, что они [карфагеняне] такое количество наемных солдат собрали в одном месте, не имея никакой опоры на случай сражения в войсках из собственных граждан, а еще большей ошибкой была отправка из города вместе с наемниками детей их, женщин и всех пожитков. Имею все это в

Вебер, "Избранные произведения", М. 1990, стр. 464-494. (Очерк является второй частью программной статьи Вебера "Критические исследования в области логики наук о культуре"); цит. со стр. 465-467.

⁹ Геродот, "История", кн. 7, ст. 139 // Геродот, "История в девяти книгах", М. : 1888, т. 2, стр. 194-195.

¹⁰ По Геродот, "История в девяти книгах" (АН СССР, серия "Памятники исторической мысли"), Л. : Наука, 1972.

¹¹ Тит Ливий, "История Рима от основания города", кн. IX, ст. 17-19 // том 1, М. : Наука, 1989, стр. 422-427.

¹² По Полибий, "Всеобщая история", М. : Академический проект, 2020 (в 2 томах).

залоге, они *могли бы* спокойнее обсудить разразившуюся над ними беду, да и враги их *были бы* уступчивее в своих требованиях» и т.д.

Историческое мышление Полибия сочетает "ожидаемое" движение истории (κατὰ λόγον) под воздействием крупномасштабных факторов с огромным весом человеческого воления, заранее непредопределённого человеческого действия и случайности (παρά λόγον), направляющими ход событий вопреки "ожидаемому". В глазах Полибия, факторы предрасполагают к "ожидаемому" развитию и движению событий, но история не идёт каким-либо predetermined путём вытекающим из подлежащих предусловий. Никакая совокупность причин не ведёт обязательным образом к определённому результату; всё может произойти иначе, чем можно было бы предполагать историку или чем полагали участники событий. Обсуждение этих контрфактических возможностей составляет частый мотив сочинения Полибия. Воззрения Полибия родом из его воспитания: Полибий родился в аристократической фамилии и с малолетства наблюдал за греческими государственными деятелями, такими как выдающийся ахейский стратег, военачальник и политик Филопемени, или отец Полибия Ликорт, занимавший важнейшие должности в Ахейском союзе и фактически обладавший всей полнотой исполнительной власти в союзе. С детства перед глазами Полибия стояли люди творившие греческую историю и то, как они её творили. Эти политики и военачальники представляли идеал активного поведения, "аристократию действия", как называет её А. Экштейн. Полибий, с молодых ногтей впитавший эти идеалы и наблюдения, лучше чем кто-либо иной знал, что невзирая на "ожидаемости" история не является predetermined, движется человеческим волением и действием, и открыта для возможностей альтернативных развитий, открываемых этим волением и действием.¹³

"История Пелопонесской войны" Фукидида употребляет сочетание "если бы" 90 раз, а частицу "бы" – 500 раз, например: «Агамемнон *не мог бы* владеть островами, кроме близлежащих (а их не могло быть много), *если бы* он не обладал значительным флотом», «*Если предположить*, что город лакедемонян *был бы* разрушен и в нем уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков *могло бы* возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество лакедемонян их славе», «Так как Спарта не объединена в единое целое путем синойкизма и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень, то её мощь *показалась бы* менее значительной, чем на самом деле. Напротив, *если бы* афинян постигла та же участь, то по внешнему виду могущество их города *сочли бы*, пожалуй, вдвое большим в сравнении с действительностью», «*Если бы* ахейцы прибыли с бóльшим запасом продовольствия и вместо обработки земли и грабежа *вели бы* войну упорно и всеми силами, то легко *взяли бы* Трою; даже действуя не все вместе, а каждый раз лишь частью сил, имеющих в наличии, они успешно сопротивлялись; начав осаду, они *взяли бы* Трою гораздо скорее и без больших усилий» и т.д.¹⁴

"Сравнительные жизнеописания" Плутарха употребляют сочетание "если бы/б" около 100 раз, а частицу "бы/б" – около 1600 раз.¹⁵

В "Истории", "Анналах" и "Малых произведениях" Тацита сочетание "если бы/б" используется 396 раз, а частица "бы(б)" – 880 раз.¹⁶ «*Если бы* вскоре не стало известно, что никакого трупа не найдено, что подвергнутые пыткам рабы решительно отрицают убийство и что у Вибулена никогда не было брата, *они бы не замедлили* расправиться с легатом», «Воины девятого легиона кричали, что следует дожидаться ответа Тиберия, но и они, оставшись в одиночестве после ухода всех остальных, предупредили в конце концов по своей воле то, что им *пришлось бы* сделать в силу необходимости», «Считалось, что если бы он [Друз] завладел властью, то *восстановил бы* народоправство», «*Если бы* орлоносец Кальпурний не уберёг его от насильственной смерти, *случилось бы* то, что недопустимо даже в стане врага: и посланец римского народа, находясь в римском лагере, *окропил бы* свою кровью жертвенники богов» и т.д. Едва ли не лейтмотивом повествования Тацита становится его

¹³ F. Maier, "Learning from History παραδοξων: A new Approach to Polybius' Manifold View of the Past" // Histos, 2012 №6, стр. 144–168.

¹⁴ По Фукидид, "История" (АН СССР, серия "Литературные памятники"), Л. : Наука, 1981.

¹⁵ По Плутарх, "Сравнительные жизнеописания", М. : Эксмо, 2011.

¹⁶ По Публий Корнелий Тацит, "Анналы. Малые произведения. История", М. : Ладомир, 2003.

рассуждение «меня охватывает раздумье, определяются ли дела человеческие роком и непреклонной необходимостью или случайностью.

Ведь среди величайших мыслителей древности и их учеников и последователей можно обнаружить приверженцев противоположных взглядов, и многие твёрдо держатся мнения, что богам нет ни малейшего дела ни до нашего возникновения, ни до нашего конца, ни вообще до смертных [...] Другие, напротив, считают, что жизненные обстоятельства предуказаны роком, но не вследствие движения звезд, а в силу оснований и взаимосвязи естественных причин; при этом, однако, они полагают, что мы свободны в выборе образа жизни, который, будучи единожды избран, влечёт за собою определенную последовательность событий. [...] Но большинство смертных считает, что будущее предопределено с их рождения и если что происходит не так, как предсказано, то в этом повинно невежество предсказателей: оно подрывает веру в науку, неопровержимые свидетельства истинности которой доставили нам и древность, и наше время. И действительно, сын того же Трасилла предрек и Нерону, что он завладеет властью».¹⁷

Осознание альтернативности исторического развития возникает когда историки начинают объяснять ход событий не волей богов, а волей человека. Неудивительно поэтому, что написанные во Флоренции, колыбели Возрождения, "Рассуждения о первой декаде Тита Ливия" Макиавелли представляют одно большое рассуждение в сослагательном наклонении; то же и его "История Флоренции", в которой сочетание "если бы" возникает 109 раз, "был бы" – 10 раз, "была бы" – 12 раз, а всего частица "бы/б" в различных контекстах (включая, впрочем, и несослагательные) встречается 589 раз.¹⁸

Происхождение фразеологизма об "истории не знающей сослагательного наклонения" обыкновенно возводится к реплике в сочинении немецкого историка Карла Хампе "История Конрадина фон Гогенштауфена" (1894). Сочинение трактует о последнем отпрыске императорского дома Гогенштауфенов, династии южногерманских королей в эпоху средневековья и императоров Священной Римской империи, угасшей с гибелью Конрадина из-за проигрыша им битвы под Тальякоццо, и завершается словами:

«Пробуждающиеся народности более не могли выносить узы, стеснявшие их. Империя была повсюду исчерблена территориальными новообразованиями и слишком ослаблена, чтобы успешно отстаивать свои претензии против папства и местных народов.

И всё же, кто захочет утверждать, что усилия Конрадина были совершенно тщетны, что он не мог на время предотвратить это естественное развитие событий и направить события если не в целом, то хотя бы в деталях в иную перспективу? Вспомните несколько моментов из битвы при Тальякоццо, которые сами по себе были весьма второстепенными, но которые решили поражение армии Гогенштауфенов, а затем представьте себе Конрадина как победителя, короля Сицилии, и примите во внимание открывшуюся несколько месяцев спустя вакансию папского престола, которая предоставила бы простор для расширения его власти на всю Италию, его предвыборные усилия в Германии [для избрания его в качестве императора Священной Римской Империи], дававшие волю его имперским замыслам – и нельзя не признать, что ход мировой истории мог принять совершенно иной вид.

Конечно, история не знает "если". События решили не в пользу Конрадина...».¹⁹

Как видно, Хампе не только не придавал своей реплике значение принципа безальтернативности (а всего лишь замечания, что то, что случилось, то и случилось), но и напрямую рассуждал о том, что всё могло бы выйти иначе, и "ход мировой истории мог принять совершенно иной вид".

Макс Вебер в 1906 г. писал о реплике Хампе: «Когда К. Хампе после того, как он убедительно изложил в своем "Конрадине", в чём состояло историческое "значение" битвы при Тальякоццо, сопоставив различные "возможности", выбор из которых состоялся вследствие чисто "случайного", то есть "предрешённого" индивидуальными тактическими действиями исхода, внезапно добавляет, что "истории неведомы возможности", то на это следует возразить, что "событиями", "объективировано" мыслимым на основании детерминистских аксиом, они действительно

¹⁷ Там же, стр. 210-211.

¹⁸ По Н. Макиавелли, "История Флоренции" (АН СССР, серия "Памятники исторической мысли"), 2-е изд., М.: Наука, 1987.

¹⁹ Karl Hampe, "Geschichte Konradins von Hohenstaufen", Innsbruck, 1894, стр. 327. На немецком языке фразу звучит: «Freilich, die Geschichte kennt kein "wenn"».

"неведомы", поскольку событиям вообще "неведомы" понятия; но "историческая наука", если она действительно хочет быть таковой, всегда должна представлять себе различные возможности развития. В каждой строке любой исторической работы, даже в отборе архивного материала или грамот, предназначенных для публикации, всегда присутствуют "суждения о различных возможностях", вернее, должны присутствовать, для того чтобы такая публикация обладала "познавательной ценностью".²⁰

70-ью с лишним годами ранее (около 1831 г.) Пушкин заметил о мнении, что предметом истории является изучение необходимых закономерностей: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий [...] не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия провидения. Один из остроумнейших людей XVIII столетия предсказал Камеру французских депутатов и могущественное развитие России, но никто не мог предсказать ни Наполеона, ни Полиньяка».²¹

В 1907 г. британский историк Дж. Тревелиян, бывший позднее профессором истории Кембриджского университета, опубликовал очерк "Если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо", исследовавший ожидаемые последствия такого возможного поворота истории: изнурённая, деморализованная Британия становится реакционной диктатурой, терзаемой политическими неурядицами; жестокая цензура подавляет большую часть английского романтизма; Франция правит большей частью Европы; наконец Наполеон умирает своей смертью в 1836 году, под закат жизни одряхлев от скуки и апатии.²²

В 1931 году в Лондоне вышел сборник озаглавленный "Если б вышло иначе" включавший 11 очерков, исследовавших альтернативное (контрафактическое) развитие исторических событий. Некоторые из очерков были написаны ведущими историками эпохи, а один очерк – Уинстоном Черчиллем, будущим лауреатом нобелевской премии по литературе за цикл исторических трудов.²³ Авторы рассуждают о том, что могло бы произойти, если бы в Испании победили мавры (Гведалла); Наполеон бежал в Америку (Г.А. Фишер); дон Хуан Австрийский сочетался браком с Марией Шотландской (Дж.К. Честертон); лорд Байрон стал королем Греции (Николсон); Людовику XVI удалось уехать из революционного Парижа (Беллок); голландцы продолжали владеть Новым Амстердамом, т.е. Нью-Йорком (ван Лун). Очерк Черчилля "Если б генерал Ли проиграл битву при Геттисберге" изображает абсурдность *нашей* истории с точки зрения человека мира, в котором Ли разгромил армии северян и вскоре выиграл гражданскую войну в США. Очерк написан от лица историка из этого мира пытающегося представить, что было бы, если б южане проиграли битву (т.е. наш мир), и являет контрафактическую альтернативу к контрафактической альтернативе, т.е. двойной перевёртыш. Ожидаемое воображаемым историком развитие событий нашего мира оказывается, однако, весьма инаковым, нежели оно сложилось в действительности. Позднее Черчилль перепечатал этот очерк в своей "Истории англоязычных народов".

Монументальный труд "Постижение истории" Арнольда Тойнби, одного из наиболее именитых историков и философов истории середины XX ст., регулярно прибегает к сослагательным рассуждениям. Сокращённый (с 12 томов до 800 страниц) русский перевод "Постижения истории" употребляет слово "если" 700 раз, сочетание "если бы" 84 раза, а частицу "бы/б" 500 раз.²⁴ «Если бы

²⁰ Вебер, "Объективная возможность...", стр. 471-472.

²¹ А.С. Пушкин, "Сочинения", т. 4, С.-Пб, 1887, стр. 83.

²² G.M. Trevelyan, "If Napoleon had won the Battle of Waterloo" // G.M. Trevelyan, "Clio, a Muse and Other Essays", 2-е изд., London, 1913, стр. 184–200.

²³ ред. J.C. Squire, "If it Had Happened Otherwise : Lapses Into Imaginary History", Longmans & Green, 1931. С. Хук разбирает неудовлетворительную обоснованность построений Черчилля в Sidney Hook, "If" in History // S. Hook, "The Hero in History : A Study in Limitations and Possibility", NY, 1943, стр. 119-136, русский перевод: С. Хук, "Если бы" в истории // альманах "THESIS : теория и история экономических и социальных институтов и систем", 1994 №5, стр. 210-212.

²⁴ По А. Тойнби, "Постижение истории", М. : Академический проект, 2019.

индустриальная система была единственным институтом, определяющим жизнь современного Запада, влияние ее престижа на западное историческое мышление *могло бы рухнуть под собственной тяжестью...*»; «Если бы в Северной Италии гуманизм, абсолютизм и равновесие власти не культивировались в течение двух веков приблизительно с 1275 по 1475 г. (как культивируются растения в парниках), – то и после 1475 г. они *не смогли бы* быть возвращены севернее Альп»; «Экспансия Османской империи была направлена в сторону православного христианства, и, *если бы* эта экспансия продолжалась, естественная линия дальнейшего османского продвижения *устремилась бы* либо на северо-запад, в западное христианство, либо же на юго-восток, в Азербайджан и другие страны этой зоны. Шиитская революция резко прервала экспансию Османской империи в этом направлении»; «Кочевники *не смогли бы* одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, *если бы* не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость»; и т.д. В приложениях ко второму тому "Постижения истории" Тойнби исследует угасшие исторические альтернативы: мусульманскую Францию и альтернативно-возможное развитие христианской церкви в северной и западной Европе; империю викингов простирающуюся от Константинополя во все концы Европы, Африки и Азии; рождение дальневосточной христианской цивилизации возникающей благодаря распространению христианства среди монголов и в Китае, благодаря чему Золотая Орда прокатывается лишь по Азии, оставляя христианскую Европу в мире и покое; и некоторые другие.²⁵ Все эти альтернативы были вероятны, возможно *более* вероятны, чем совершившийся ход истории. Тойнби ни единым замечанием не выражает, что рассмотрение этих возможностей состоит в каком-либо противоречии с детерминизмом и поиском почти что научных закономерностей в остальных частях его труда, но при этом опрокидывает представление о неизбежности развития исторических событий. В 1969 г. Тойнби, знаток античности, также посвятил отдельную 50-страничную главу сочинения о вопросах греческой истории обсуждению, какой ход приняла бы история, если бы Александр Великий не заразился и не умер скоропостижно в 30-летнем возрасте. Соседствующая 20-страничная глава посвящена обсуждению того, как сложилась бы история, если бы Филипп II Македонский (отец Александра) не был убит телохранителем, а Артаксеркс III (Ох) избежал отравления внуком.²⁶

В следующем поколении историков А. Дж. П. Тейлор без устали подчёркивал значение случайностей в политической истории и намекал на то, что *могло бы* быть, если бы не эти случайности.

В 1955 г. гарвардский историк Оскар Гендлин опубликовал исследование "Поворотные пункты американской истории", в котором выявлял, что случайность (погода, внезапная смерть выдающегося политического деятеля и т.д.) решающим образом влияла на важнейшие события истории США.²⁷ Десятилетием спустя Гендлин личным примером проиллюстрировал свой тезис. Его выступление в Конгрессе США в 1965 г. считается важным поворотным пунктом в принятии законодательства открывшего массовую замещающую иммиграцию в США населения максимально этнически удалённого от европеоидного, и последовавшем обращении европеоидов в демографическое и политическое меньшинство в США, в утрату ими их страны и абортирование американского национального проекта существовавшего со времён отцов-основателей США по 1980-е гг.²⁸

В 1960-х гг. Р. Фогель и Д. Норт независимо предприняли исследование экономической истории США, прибегая для выяснения роли тех или иных факторов к сравнительному моделированию контрфактических альтернатив, в которых эти факторы отсутствовали или имели изменённое значение.

Первое исследование Фогеля сравнило фактическое развитие экономики США в условиях железнодорожного сообщения с расчётной контрфактической альтернативой развития без железных дорог и с транспортом ограниченным повозками и речными судами; исследование выявило, что

²⁵ A.J. Toynbee, "A Study of History", Oxford University Press, 1934, т. 2, стр. 424 сл.

²⁶ A. Toynbee, "Some problems of Greek History", Oxford University Press, 1969, стр. 441-487 (глава "If Alexander the Great had lived On"), стр. 421-441 (глава "If Ochus and Philip had lived on").

²⁷ Oscar Handlin, "Chance or Destiny : Turning Points in American History", Boston, 1955.

²⁸ "Oscar Handlin, Historian Who Chronicled U.S. Immigration, Dies at 95", New York Times, 23 сент. 2011.

железнодорожная сеть привела лишь к незначительному ускорению экономического развития США.²⁹ Другое исследование Фогеля (в соавторстве с С. Энгерманом) установило, что рабовладельческая экономика юга США была экономически эффективной и более производительной для владельцев ферм, чем основанная на свободном труде сельскохозяйственная экономика севера США, и чем была бы не использующая рабский труд экономика на юге, поэтому без гражданской войны рабовладение на Юге не исчезло бы само собой. Основываясь на данных анкет переписей населения, финансовых отчетах плантаций, а так же на множестве вычислений, которые были бы невозможны без помощи компьютера, авторы попытались доказать, что один из худших для чернокожих рабов периодов истории США совпал с эпохой свободы, берущей свое начало в 1865 г., когда Конгресс принял 13-ю поправку к конституции, де-юре отменявшую институт рабства на всей территории страны. Результатом их длительных исследований проблемы экономической эффективности рабства на основе методики контрфактического моделирования стал вывод о том, что слегка замаскированный расизм аболиционистов в конце концов оказался почти столь же угнетающим, как и дискриминация в чистом виде, практиковавшаяся плантаторами до 1860 г. Фогель и Энгерман с цифрами в руках убедительно доказали, что североамериканское рабство был чрезвычайно выгодной экономической системой, что оно в преддверии Гражданской войны между Севером и Югом США не отмирало, а наоборот, являлось более эффективным способом производства, чем свободный наемный труд.³⁰ Исследования Фогеля разрушили прежние неверные объяснения хода истории, приписывавшие необоснованный вес значимости железных дорог или неэффективности рабского труда. Работа Фогеля также продемонстрировала значимость приложения для исследования истории численных методов и экономической теории, в т.ч. с методологическим задействием явных контрфактических альтернатив.

Если Фогель исследовал и оспорил влияние лишь одного (железнодорожного) сектора на развитие американской экономики, то Д. Норт исследовал, какое влияние имели различные секторы в объяснении экономического развития. Книга Норта "Экономический рост Соединённых Штатов 1790-1860" использует экономическую модель (экономически изохронную, но в отличие от Фогеля не математизированную) для объяснения организации и эволюции различных отраслей американской экономики на протяжении семи десятилетий.³¹ Однако настоящей мантрой последующей академической карьеры Норта стало исследование роли качества учреждений в экономическом развитии.

В 1993 г. Фогелю и Норту за эти их исследования была присуждена нобелевская премия по экономике. Р. Фогель и Д. Норт, сообщает решение нобелевского комитета, «выступили пионерами развития области экономической истории, называемой "новой экономической историей", или клиометрикой, т.е. исследований сочетающих экономическую теорию, количественные методы, проверку гипотез, контрфактические альтернативы и традиционные методы экономической истории, дабы объяснить явления экономического роста и спада. Их работа углубила наши знания и фундаментальное понимание того, как, почему и когда происходят экономические изменения».³²

В 1984 г. М. Билс на основании контрфактической клиометрической модели показал, что если бы в США 1816-1828 гг. не было протекционистских тарифов, доходивших до 45%, то разорились бы не менее половины американских текстильных фирм, расположенных в основном в северных штатах. Таким образом, если бы южане в первой половине XIX в. смогли подчинить внешнеэкономическую политику страны своим интересам, это затормозило бы её индустриализацию.³³

²⁹ R. Fogel, "Railroads and American Economic Growth : Essays in Econometric History", Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964.

³⁰ R. Fogel, S. Engerman, "Time on the Cross : The Economics of American Negro Slavery", Little, Brown and Company, 1974; R. Fogel, "Without Consent or Contract : The Rise and Fall of American Slavery", New York: W. W. Norton and Company, 1989 (с 3 томами приложений под тем же общим заглавием, 1989-1992).

³¹ D. North, "The Economic Growth of the United States, 1790-1860", Prentice-Hall, 1961.

³² Сообщение Королевской Академии Швеции для печати, 12 окт. 1993 (<https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1993/press-release>).

³³ M. Bils, "Tariff Protection and Production in the Early US Cotton Textile Industry" // Journal of Economic History, 1984, т. 44 № 4, стр. 1033-1045.

В 1992 г. Л.И. Бородкин и М.А. Свищев использовали имитационные стохастические модели для выяснения, как развивалась бы социальная дифференциация в советской деревне, если бы политика НЭПа не была прервана насильственной коллективизацией. Выяснилось, что вопреки утверждениям большевиков о неминуемом "развитии капитализма в деревне", доля богатых крестьян при продолжении НЭПа выросла бы незначительно (в производящих районах с 3% в 1924 г. до 5% в 1940), зато бедных хозяйств стало бы много меньше (с 29% в 1924 г. до 19% в 1940 в производящих районах) за счёт роста середняков (76% в 1940 г. в производящих районах, 60% в потребляющих). Продолжающийся НЭП привёл бы к дальнейшему массовому осереднячиванию русской деревни. При этом сценарии за 1924-1940 гг. посевы возросли бы примерно на 64-70%, поголовье скота – на 41-50%, а число хозяйств выросло в 1.35 раз.³⁴ В состоявшейся истории, "великий перелом" привёл к сильному спаду аграрного производства, падению поголовья скота, которое было восстановлено лишь в 1950-е гг., и огромным демографическим потерям.

«Если в реальности для полного проявления [последствий] социальных процессов 20-х годов "времени дано не было", – пишут Бородкин и Свищев, – то модельный эксперимент даёт такую возможность. Корректно построенная модель должна довести процесс "проявления" до той стадии, когда очертания изучаемого явления становятся явно различимыми».³⁵

Контрфактические оценки объёмов сбора зерна в СССР в 1928-1940 гг. при отсутствии коллективизации предпринимались и прежде: Н. Ясным (в 1949 г.), Д. Джонсоном и А. Коганом (1959) и Дж. Карцем (в 1979). Все три контрфактические модели показали производство и сбор зерна при отсутствии колхозов как минимум на 10% выше, чем употребляемые с минимальной коррекцией официальные советские данные об урожае,³⁶ которые, как сейчас выяснено, завышались (в 1932 г. в 1.2 раза, в 1933 г. в 1.1 раза),³⁷ таким образом коллективизация понизила сбор зерна более чем на 10%, для указанных лет – примерно в 1.2 раза.

В 1997 г. канадский экономист-историк Р. Аллен исчислил, каким был бы рост советской промышленности рост без коллективизации. Аллен установил, что финансирование строительства промышленности происходило за счёт увеличения доли вложений в тяжёлую промышленность с 7% до 16% всех несельскохозяйственных капиталовложений,³⁸ а также за счёт "мягких бюджетных ограничений" для промышленных предприятий, при которых выделяемый фонд зарплаты был выше, чем объём производства, что позволяло предприятиям привлекать незадействованную рабочую силу, т.е. за счёт убыточности и инфляции, позволявших однако прирастить основные фонды тяжёлой промышленности. Коллективизация же сыграла малозначительную роль в развитии промышленности. В 1939 г. несельскохозяйственная (в т.ч. промышленная) добавленная ценность

³⁴ Л.И. Бородкин, М.А. Свищев, "Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства : использование имитационно-альтернативных моделей" // "Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях", М. : Наука, 1992, стр. 348-365; Л.И. Бородкин, "Моделирование социальной динамики крестьянства в годы нэпа: альтернативный ретропрогноз" // История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска, ред. П.В.Турчин и др., М.: URSS, 2007, стр. 49-73; Л.И. Бородкин, М.А. Свищев, «Был ли неизбежен "Великий перелом"? (моделирование альтернатив исторического развития)», Наука и человечество, 1992-1994, М. : РАН и ЮНЕСКО, 1994, стр. 33-35; Л.И. Бородкин, "Моделирование исторических процессов : От реконструкции реальности к анализу альтернатив", СПб.: Алетейя, 2016, стр. 72-98.

³⁵ Бородкин, Свищев, "Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства : использование имитационно-альтернативных моделей", стр. 351.

³⁶ Г. Хантер, Я. Ширмер, "Аграрная политика необольшевиков и альтернатива" // Отечественная история, 1995 № 6, стр. 151, 159 (глава из книги "Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928-1940", Princeton University Press, 1992); Ю.В. Латов, «"Что, если бы..." в современной клиометрике» // Историко-экономические исследования, 2008, т. 9 № 3, стр. 54-55.

³⁷ S. Wheatcroft, "The Great Leap Upwards" // Slavic Review, Spring 1999, стр. 28; Уиткрофт и Дэвис, "Кризис в советском сельском хозяйстве (1931-1933 гг.)" // Отечественная история, 1998 №6, стр. 95-109 и далее обсуждение на семинаре в ИРИ РАН, стр. 109-132; S. Wheatcroft, R. Davis, "The economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945", Cambridge University Press, 1994, стр. 115-116.

³⁸ R. Allen, "A Multi-Sector Simulation Model of Soviet Economic Development", Discussion Paper №97-19, Department Of Economics, The University Of British Columbia (<https://web.archive.org/web/20031212085906/http://www.econ.ubc.ca/dp9719.pdf>)

оказалась всего на 12% выше, чем она была бы, если бы та же самая инвестиционная стратегия проводилась при продолжении НЭП в деревне, а основные промышленные фонды были всего на 8% выше, чем они были бы при НЭП. Иначе говоря, если при коллективизации среднегодовой рост промышленности за 1928-1939 годы составил 5.6% в год, то при продолжении сельскохозяйственной НЭП рост был бы 5.4%. Человеческие страдания и демографические потери, которыми сопровождалась коллективизация, были огромны, а её экономические результаты скудны. В отношении же совокупного ВВП (промышленного и сельскохозяйственного) они оказались отрицательны: ВВП СССР в 1939 году был бы выше без коллективизации, чем с коллективизацией: при сохранении НЭП незначительное снижение роста промышленности было бы с лихвой компенсировано большим размером и ростом сельскохозяйственной экономики.³⁹

Согласно анализу Аллена, основным источником роста тяжёлой промышленности СССР стало автаркическое развитие сектора производства средств производства, с направлением его продукции обратно в этот же сектор и затормаживанием развития лёгкой промышленности. Экспорт пшеницы и импорт оборудования не были необходимы или значимы для быстрого роста. «Новая экономическая политика, которая включала в себя сохранение крестьянских хозяйств и рыночных отношений между городом и деревней, была системой, способствующей быстрой индустриализации. Коллективизация обеспечила лишь небольшой дополнительный вклад в это достижение... Модификация НЭПа, включающая в себя централизованное планирование, высокую занятость и расширение тяжелой промышленности, была программой роста основного капитала, выпуска продукции и жизненного уровня [городского населения]. Дополнение этой программы коллективизацией дало немного для роста, потребовав огромных человеческих потерь... В то время как [политика вложений в тяжёлую промышленность] способствовала экономическому росту в Советском Союзе в 1930-ые годы, варварская политика сталинизма дала лишь очень малую добавку выпуска промышленной продукции. В частности, коллективизация сельского хозяйства, закончившаяся смертями, которых в основном можно было избежать, внесла только скромный вклад в рост». Основной вклад коллективизации в индустриализацию состоял в том, что созданная в деревне социальная катастрофа привела к бегству крестьян из деревни и увеличила предложение дешёвой рабочей силы для промышленности.⁴⁰

В 1919 – начале 1921 гг. советская гиперинфляция и обвал производства привели к тому, что эмиссия и цены оказались связанными сильнее между собой, чем с производством. Преобладающую часть потребляемых рабочими продуктов и одежды выдавали по карточкам и ордерам. Возникла перспектива полного отрыва цен и денежной массы от товарооборота. Ряд советских партийных и государственных деятелей (Н. Бухарин, Ю. Ларин, Ф.Ф. Сыромолотов) положительно оценивали "отмирание" денег и предлагали вовсе отменить деньги и перейти целиком к натуральному распределению, видя в этом торжество коммунистического идеала. Такое же требование содержалось в резолюции 3-го съезда ВСНХ. Бухарин в "Экономике переходного периода" (1920) писал: «В переходный период, в процессе уничтожения товарной системы как таковой, происходит процесс "самоотрицания" денег. Он выражается в так называемом "обесценении" денег... Заработная плата становится мнимой величиной, не имеющей своего содержания. Поскольку рабочий класс является господствующим классом, постольку исчезает наёмный труд. В социализированном производстве наёмного труда нет. А поскольку нет наемного труда, постольку нет и заработной платы [...] При системе пролетарской диктатуры "рабочий" получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату... Равным образом исчезает и категория прибыли, равно как и категория прибавочной ценности».⁴¹ Г.Я. Сокольников писал: «В области денежного обращения эпоха военного коммунизма дала ориентацию на полную ликвидацию денег, на организацию безденежных расчетов, на прямое распределение производимых ценностей». Главным источником подобных идей был

³⁹ Robert C. Allen, "Capital Accumulation, the Soft Budget Constraint and Soviet Industrialization" // UBC Department of Economics Discussion Paper, November 1997 (<https://web.archive.org/web/20030522232555/http://www.arts.ubc.ca/econ/dp9720.pdf>). Русский перевод: <https://web.archive.org/web/20090218150924/http://antisgkm.by.ru/allen/Allen0.htm>. См. тж. Латов, 2008, стр. 53-59.

⁴⁰ Allen, "Capital Accumulation...", гл. V и VII-VIII.

⁴¹ Н. Бухарин, "Экономика переходного периода", ч. 1, Труды социалистической академии общественных наук, М. 1920, стр. 135.

Ленин. Во времена военного коммунизма он много писал и говорил о безденежном товарообмене, хотя позднее решил воздержаться от его полного осуществления.⁴² В 1980-х гг. историк-экономист Ю.П. Бокарев исследовал, к чему привела бы отмена денег. Для этого он использовал систему дифференциальных уравнений описывающих взаимоотношение между промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами в условиях натурального обмена. Посредством имитирования выяснилось, что при отмене денег после короткого периода роста промышленного и сельскохозяйственного производства началось бы их обратное снижение, а затем объёмы промышленной и сельскохозяйственной продукции стабилизировались бы, совершая едва заметные колебания вокруг уровней равновесия. Фактически это была модель застойной экономики.⁴³

Впоследствии в историко-математических имитационных исследованиях стали прилагаться также методы динамики хаотических систем. «Для историка, – пишет Л.И. Бородин, – обнаружение хаотической компоненты в исследуемом динамическом ряду может иметь принципиальное значение – в этом случае можно говорить о внутренней неустойчивости процесса, когда небольшие воздействия или случайные флуктуации способны привести к крупным последствиям, к резкому изменению характера изучаемого процесса. Появляется возможность применить новый общенаучный инструмент для изучения неустойчивых исторических ситуаций, связанных с непредсказуемостью хода процесса в точках бифуркации. [...] Акцент исследования смещается с предсказуемости явлений на непредсказуемость, с постепенной эволюции процессов на взрывной характер развития».⁴⁴

Однако преобладающее большинство исследований с использованием контрфактических альтернатив носит не математический, а качественный характер. Современные штудии некоторых исторических событий насквозь полны сослагательным анализом. К примеру, исторические исследования завершения войны в тихоокеанском регионе и атомных бомбардировок Японии представляют из себя массированным образом исследование, анализ и сравнение контрфактических альтернатив.⁴⁵ Аналогично, множество исследований Второй мировой войны задаются вопросами в роде "каковы были возможные для Гитлера стратегии после 1939 года?" и т.д.

Существуют, кроме того, исторические упражнения также и специфически, полномасштабно в субъонктивной истории – в виде серий сборников статей профессиональных академических историков на тему "what if" исследующих развилки истории, возможные альтернативы и их вероятное течение.⁴⁶

⁴² В.Д. Белоусов, В.А. Бирюков, "Попытка отмены денег в годы военного коммунизма" // Вестн. моск. ун-та, сер. 6. Экономика, 2012 № 2, стр. 26-29.

⁴³ Ю.П. Бокарев, "Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений", Институт истории АН СССР, М.: Наука, 1989, стр. 158-167.

⁴⁴ Л.И. Бородин, "История, альтернативность и теория хаоса" // "Одиссей. Человек в истории", М.: Наука, 2000, стр. 24-25. Приложение методов нелинейной динамики в теоретической истории обсуждается в С. Капица, С. Курдюмов, Г. Малинецкий, "Синергетика и прогнозы будущего", М.: Наука, 1997, стр. 64-113; Л.И. Бородин, "Порядок из хаоса": концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история, 2003 №2, стр. 98-118; Л.И. Бородин, "Моделирование исторических процессов: От реконструкции реальности к анализу альтернатив", СПб.: Алетейя, 2016, стр. 129-215, доп. см. там же стр. 34 и 39, сноска 20.

⁴⁵ В качестве наглядно-характерного иллюстративного примера исследований по данной тематике укажем статью, эксплицитно исследующую различные контрфактические альтернативы и их возможные комбинации: Barton J. Bernstein, "Understanding the Atomic Bomb and the Japanese surrender: Missed Opportunities, Little-Known Near Disasters, and Modern Memory" // Diplomatic History, т. 19, № 2 (Spring 1995), стр. 227-273; тж. перепечат. в ed. Michael J. Hogan, "Hiroshima in history and memory", Cambridge University Press, 1996; тж. в ed. Edward R. Beauchamp, "History of contemporary Japan, 1945-1998", (т. 1 серии "Dimensions of contemporary Japan"), Taylor & Francis, 1998; тж. в ed. Walter L. Hixson, "The American Experience in World War II: The atomic bomb in history and memory" (т. 7 серии "The American Experience in World War II"), Taylor & Francis, 2003.

⁴⁶ Например: ред. Robert Cowley, "What If?: The World's Foremost Military Historians Imagine What Might Have Been", Berkley Books, 2000; ред. Robert Cowley, "What If? 2: Eminent Historians Imagine What Might Have Been", Putname, 2001; ред. Robert Cowley, "The Collected What If? Eminent Historians Imagine What Might Have Been", Putname, 2001; ред. Robert Cowley, "What Ifs? Of American History", Putnam, 2004; ред. Andrew Roberts,

В 1991 году кембриджский социолог Хоторн издал трактат "Возможные миры : Возможность и понимание в истории и общественных науках", придающий контрфактической истории силу законной области академической науки.⁴⁷ Хоторн начинает обсуждение с того, что в истории, социологии и исследованиях политики понимание возможностей лежит в основании понимания вообще. Целью исследования человеческих дел является понимание, а понять – означает рассмотреть то, что могло быть возможным.

В 1986 г. известный немецкий антиковед А. Деманд опубликовал фундаментальное сочинение *«Несостоявшаяся история. Трактат о вопросе, "что было бы, если бы..."»* разрабатывающее аналитическое моделирование исторических альтернатив в качестве метода исторического исследования.⁴⁸ По Деманду, граница исторической действительности не может быть очерчена только вокруг действительно состоявшегося, а включает также несостоявшиеся, но вероятные возможности. Деманд рассуждает, что исследование несостоявшихся альтернативных возможностей необходимо для лучшего понимания состоявшихся: «Возможности, которые не произошли, сами по себе не имеют значения, но они дают нам необходимую основу, на фоне которой мы впервые осознаём значение того, что действительно произошло. Ирреальность не является аргументом в пользу неуместности, так же как реальность не является аргументом в пользу релевантности».⁴⁹ О прошлых событиях, пишет Деманд, можно судить только в свете их альтернатив: «Долгожданное событие приятно лишь в том случае, если оно не вытеснило ещё более желанное. Несчастный случай плох только в том случае, если он не был меньшим злом и не предотвратил большее несчастье. Когда мы оцениваем каждый спорный факт, мы должны рассмотреть следующую наиболее вероятную альтернативу».⁵⁰ Согласно Деманду, анализ контрфактических альтернатив является основополагающим методом исторического исследования, т.к. он предоставляет понимание "критических ситуаций", в которых историческое развитие могло пойти другими путями.

Деманд также пытается провести разделение между историческими возможностями по степени их вероятности и приводит для иллюстрации несколько событий, которые никогда не могут произойти: «Ни один папа не мог бы сделать атеизм догмой, ни один американский президент не может вновь ввести рабство в современных условиях, ни один советский генеральный секретарь не может осудить марксизм».⁵¹ Три года спустя история насмеялась над этой классификацией событий по их правдоподобию.

Не только Деманд, но и другие историки, рассуждая об употреблении субъюнктивной истории, делают замечание, что первейшая практическая выгода изучения возможных, но несостоявшихся альтернатив заключена в том, что они позволяют лучше понять действительно происшедшее, и дают инструмент его более глубокого изучения. Немецкий медиевист Герд Телленбах, один из наиболее влиятельных немецких историков XX ст. и последних представителей великой немецкой *Geistesgeschichte* (школы истории идей), определяет, вслед Деманду, основной смысл обращения к несостоявшейся истории так: историку оно необходимо дабы лучше понимать, ценить и осознавать ту реальность, с которой он имеет дело. Задача стоит не в реконструкции несостоявшихся ситуаций как таковых, а использовании их как инструмента для лучшего понимания действительно произошедшего.⁵² «При исследовании истории и всегда требующем критического восприятия

"What Might Have Been: Imaginary History from Twelve Leading Historians", Weidenfeld & Nicolson, 2004; Roger L. Ransom, "The Confederate States of America: What Might Have Been", New York ; London, 2005; ред. Dennis Showalter, Harold Deutsch, "If the Allies Had Fallen: Sixty Alternate Scenarios of World War II", NY, 2012; ред. Niall Ferguson, "Virtual History: Alternatives and Counterfactuals", London, 1998.

⁴⁷ G. Hawthorn, "Plausible Worlds : Possibility and Understanding in History and the Social Sciences", Cambridge University Press : Cambridge , 1991.

⁴⁸ A. Demandt, "Ungeschehene Geschichte : ein Traktat über die Frage: was wäre geschehen, wenn ...?", Göttingen, 1986 (первоизд. 1984). См. весьма путанный русский обзор в М.Ю. Парамонова, "Заметки о книге А. Деманда..." // "Одиссей. Человек в истории", М. : ИВИ РАН, 1997, стр. 336-358.

⁴⁹ Demandt, "Ungeschehene Geschichte...", стр. 39.

⁵⁰ Там же, стр. 25.

⁵¹ Там же, стр. 46.

⁵² G. Tellenbach, "Ungeschehene Geschichte" und ihre heuristische Funktion // Historische Zeitschrift, 1994, т. 258 №1, стр. 297-317.

массива исторических знаний, считающегося надежным, всегда необходимо учитывать возможности неосуществившихся событий, чтобы сохранить действительно произошедшую историю и полностью понять ее. Как эвристическая процедура, это необходимо для получения удовлетворительных с научной точки зрения результатов». ⁵³ «Когда ход истории совершил решающий поворот вследствие непредвиденных событий, таких как смерть или появление великой личности, стихийные бедствия, эпидемии, поражения или победы, революции, открытия или изобретения, возникает необходимость задуматься о прерванных, нереализованных возможностях, о "несовершившейся истории". Это не обязательно должна быть просто увлекательная игра воображения: сравнение случившейся истории и истории не случившейся может иметь разъясняющую эвристическую функцию. По каким причинам история повернулась именно так, а не иначе? Чем она отличается от мыслимых альтернативных вариантов? Поиски могут внести существенный вклад в понимание произошедшей истории». ⁵⁴ «Наблюдение за различными нереализованными возможностями также является постоянной частью познания фактического хода истории». ⁵⁵ «Историческая наука уже давно перестала ограничиваться простым изложением голых фактов... Вебер сам признает, что история идёт не иначе, чем социология... Для историка важно охватить всё событие... Это лучший метод построения нереализованных альтернативных возможностей истории в целом». ⁵⁶ «Многочисленные споры вокруг того, что действительно и достоверно произошло в истории, показывают, насколько трудно принимать прочные решения между различными мыслимыми возможностями событий... именно представляя рассмотренные им альтернативы, историк оправдывает и закрепляет свое мнение о том, что о том, что действительно происходит, о его причинах и последствиях, в то же время он готовит будущую критику и прогрессивные исследования». ⁵⁷

Один из примеров исторических альтернатив называемых Телленбахом относится к деятельности немецкого мыслителя, дипломата и высокопоставленного правительственного чиновника К. Рицлера. Рицлер был основным автором "Сентябрьской программы" 1914 года, в которой он изложил немецкие военные цели в мировой войне: ограниченные аннексии, тяжёлые условия мира для Франции, статус Бельгии, как подчинённого Германии государства. Рицлер также принял важное участие в организации большевизской операции немецкого правительства и отправке Ленина в Россию в "пломбированном вагоне". В 1918 году Рицлер был направлен в Москву в качестве помощника германского посла графа фон Мирбаха. Финансирование большевиков правительством Германии в 1918 году осуществлялось из т.н. фондов Рицлера, т.е. немецких правительственных средств предоставленных в оперативное распоряжение Рицлера. В немецкой правительственной переписке о финансировании большевиков они именуются "фондами Рицлера". Летом 1918 года Рицлер переменял своё мнение о полезности поддержки большевиков для Германии и выступал за поддержку антибольшевизского движения. «Убежденность Рицлера в то время в том, что такое (немецкое) вмешательство приведет к свержению большевистской власти, – пишет К.Д. Эрדманн, – не следует отвергать как абсолютно фантастическую». Он обосновывает эту точку зрения фундаментальным соображением, тесно касающимся темы, рассматриваемой в данном исследовании: «Вопрос о нереализованных возможностях истории не только правомерен для историка, но и необходим для правильной оценки веса реально принятых решений и действительного хода событий как реализации одной возможности среди других». Прогнозы министерства иностранных дел и посольства Германии в Москве в то время разноречили друг другу. Решение государственного руководства Германии было принято вопреки рекомендации московского посольства. ⁵⁸ «В исторических исследованиях не возникло значительных разногласий по поводу политики Германии по отношению к России. Столь судьбоносный вопрос о том, как бы продолжилась история XX века, если бы идеи посла Хельфериха и Рицлера были

⁵³ Там же, стр. 316 (авторская аннотация содержания статьи Телленбаха) и 302.

⁵⁴ Там же, стр. 297.

⁵⁵ Там же, стр. 302.

⁵⁶ Там же, стр. 311.

⁵⁷ Там же, стр. 315.

⁵⁸ Там же, стр. 314; "Kurt Riezler, Tagebücher – Aufsätze – Dokumente", Eingel. u. hrsg. v. Karl Dietrich Erdmann // Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts, 48, Göttingen 1972, стр. 118; Kurt von Raumer, "Das Ende von Helfferichs Moskauer Mission 1918" // Festgabe für Heinrich Ritter von Srbik, München 1938, стр. 292 сл.; Winfried Baumgart, "Deutsche Ostpolitik von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges", Wien/München 1966, стр. 220 сл. и 237 сл..

реализованы и контрреволюция с помощью Германии, возможно, оттеснила бы большевизм, мог бы быть чрезвычайно стимулирующим», – пишет Телленбах.⁵⁹

Историк-медиевист К.В. Хвостова поясняет на примере, что конечной целью исследования Фогеля, рассмотревшего контрфактическую Америку без железных дорог «было изучение роли *реально существовавших* железных дорог, для *этого* он строил потенциальность, проигрывал альтернативные варианты. В итоге он создал все-таки *историческое* исследование. Историк работает с источниками... но эти источники он может видеть по-разному. Современная эпистемологическая ситуация побуждает его углубить свой анализ, увидеть в источниках, например не бинарную, а многофакторную причину. Важнейшая проблема, которая здесь возникает, – отработка понятий, которые отражают не саму реальность, а потенциальность»⁶⁰ – вне которой реальность не может быть полноценно интерпретирована. С экспликацией метода сослагательного наклонения в мировой и отечественной историографии стала завоевывать место новая научная парадигма, предполагающая, что «можно изучать то, что было, с учетом возможности того, что могло бы быть»⁶¹. «Для того чтобы понять природу реальных причинных связей, мы конструируем связи нереальные», – писал Вебер.⁶²

Именно так мы и используем в нашей работе оценки демографической динамики России при её контрфактическом естественном эволюционном развитии после 1917 г. по буржуазно-демократическому пути. Эти оценки позволяют лучше понять и исследовать *действительно происшедшие* демоцидальные политики советского строя, оценить их размах и последствия. Демографические ретропрогнозы представляют один из наиболее достоверных контрфактических инструментов, т.к. демографическая динамика инерционна при более-менее обычных жизненных условиях и предсказуема в широких рамках допущений.

Изучение правдоподобных и обоснованных контрфактических альтернатив даёт возможность не только лучше изучить последствия действительно состоявшихся событий, но и предоставляет более объёмный взгляд на действительность. «Историки обыкновенно оглядываются на прошлое с того места, где они находятся, – пишет немецкий историк Р. Венцлюмер, – Общий итог истории уже известен [...] и знание итогов исторического процесса меняет подход историков к своему предмету. Какие исследовательские вопросы необходимо задать? Какие факторы оказались решающими, какими можно пренебречь? Всё это решается с учетом известного исхода, определённого хода истории. Размышление о контрфактических сценариях предлагает альтернативный ход событий, который может привести к другим вопросам, о которых ранее не задумывались [...] В некоторых случаях – особенно когда альтернатива вполне правдоподобна – эта практика может открыть до сих пор игнорируемые пути исследования, которые действительно могут привести к неожиданным открытиям. В этом отношении контрфактическое мышление даёт объёмные возможности, восстанавливающие некоторую степень непредопределённости результатов исторических исследований».⁶³

В некоторых случаях применение контрфактического моделирования абсолютно неизбежно для понимания исторических событий, как например для понимания и оценки выборов стоявших перед их участниками. Для участника событий, их современника, эти выборы представляли возможные варианты будущего, которые он просчитывал, оценивал и между которыми делал выбор. Для историка они представляют контрфактические альтернативы, которые необходимо оценить, дабы понять выбор стоявший перед участниками событий, мотивы их решений и действий. Такой анализ контрфактических альтернатив устраняет искажающую оптику послезнания и позволяет лучше понять мышление исторических фигур и причины их поступков. Он также необходим чтобы вынести суждение о том, были ли принятые решения удачными и оценить их здравость либо необоснованность.

⁵⁹ Tellenbach, "Ungeschehene Geschichte...", стр. 314-315.

⁶⁰ Дискуссия // "Одиссей. Человек в истории", М. : Наука, 2000, стр. 62.

⁶¹ К.В. Хвостова в дискуссии // "Одиссей. Человек в истории", М. : Наука, 2000, стр. 61.

⁶² Вебер, "Объективная возможность...", стр. 483.

⁶³ Roland Wenzlhuemer, "Counterfactual Thinking as a Scientific Method" // Historical Social Research (Historische Sozialforschung), 2009, т. 34 №2, стр. 44.

Так, советская политика второй половины 1930-х-1941 гг. не может быть содержательно интерпретирована вне перспективы того, что советское руководство считало разгром Вермахта Красной Армией лёгким и предрешённым делом, после чего РККА должна была, по ожиданиям советского руководства, пройти победным маршем до Атлантики и Средиземноморья, устанавливая коммунистические режимы в странах центральной и западной Европы. Именно в расчёте этих намерений, и в уверенности, что РККА легко сокрушит Вермахт, СССР целенаправленно способствовал приведению национал-социалистов к власти в Германии, содействовал войне Германии против Франции и Англии, и именно в этих расчётах Молотов во время визита в Берлин в ноябре 1940 г. выдвинул фактический ультиматум Гитлеру, намеренно провоцируя его к нападению на СССР. Маленькая историческая случайность – неожиданный для советской верхушки разгром РККА Вермахтом летом-осенью 1941 г. – позднее затенила эти планы советского руководства, и его первоначальные намерения подлежащие его политике 1930-х-1941 гг. могут быть оценены лишь в перспективе контрфактического развития событий: ожидавшегося советским руководством быстрого сокрушения Вермахта Красной Армией.⁶⁴

В некоторых случаях контрфактическое сослагательное мышление осуществляется и самим участником исторических событий. Так, политика США в период холодной войны формировалась под влиянием опыта столкновения с СССР в 1946 г. в Иране и извлечённого из него контрфактического вывода, что если бы президент Трумен не выдвинул угрозу силового действия против СССР, в том случае если СССР не выведет войска из северного Ирана, то СССР не деокупировал бы Иран и сохранил марионеточные правительства в иранском Азербайджане и Курдистане; этот контрфактический вывод затем влиял на формирование политики и действий США в дальнейшем. Аналогично, Бисмарк при извлечении уроков франко-прусской войны размышлял о том, как те или иные возможные действия Пруссии и Франции могли повлиять на ход конфликта и его итоги. Обращаясь к суждениям разработчиков политики США или суждениям Бисмарка, историк обращается к чужим сослагательным суждениям, но для оценки их верности или ошибочности он должен будет построить собственные сослагательные суждения.

Контрфактические суждения участника событий не обязательно относятся к давнему для участника прошлому. Так, во время Карибского кризиса действия СССР и США формировались контрфактическими суждениями руководства двух стран. Решение Хрущёва отправить ракеты на Кубу, а затем убрать их, и решение Кеннеди ввести блокаду основывались на предположениях о мышлении противоположной стороны. Кеннеди полагал, что Хрущёв отправил ракеты на Кубу, потому что не верил в решительность президента Кеннеди и считал его слабым, и что Хрущёв не послал бы ракеты, если б Кеннеди ранее занял более твёрдую позицию при высадке в заливе Свиней или на переговорах в Берлине. Кеннеди рассудил, что для того, чтобы убедить Хрущёва в своей решимости и предотвратить последующий ещё более серьёзный вызов со стороны Советского Союза позициям Запада в Берлине, необходимо принудить Хрущева убрать ракеты.⁶⁵

Хотя открывшиеся ныне свидетельства предоставляют частичную базу для оценки историками степени верности или неверности предположений Кеннеди и Хрущёва друг относительно друга, такая оценка неизбежно будет в значительной мере гипотетической и контрфактической. При этом сослагательность суждения историка будет относиться к давнему для него прошлому, в то время как сослагательность суждений участников относилась к недавнему для них прошлому или к их настоящему и будущему.

Часто также бывает, что на причинное объяснение исторического явления претендуют несколько возможных причин или толкований. Как определить, какие из причин-кандидатов являются подлинными и основными, и без них явление не состоялось бы, а какие лишь сопутствующими акциденциями или второстепенными факторами, не оказавшими никакого или лишь малое влияние на то, что явление произошло? Если историк хочет предложить удовлетворительное объяснение исторического явления, в этих случаях становится неизбежен контрфактический анализ причинно-

⁶⁴ E. Topitsch, "Stalin's War", NY : St Martin's Press, 1987.

⁶⁵ R. Lebow, "What's So Different about a Counterfactual?" // World Politics, Jul. 2000, стр. 552-556; R. Lebow, J. Stein, "Back to the Past : Counterfactuals and the Cuban Missile Crisis" // ред. P. Tetlock, A. Belkin, "Counterfactual Thought Experiments in World Politics : Logical, Methodological, and Psychological Perspectives", Princeton University Press, 1996, стр. 119-148.

следственных отношений, с исключением того или иного набора факторов.⁶⁶ Значение, которое мы приписываем выстрелу в эрцгерцога Фердинанда в разжигании Первой мировой войны, – иллюстрирует примером Д. Нолан, – зависит от того, полагаем ли, что война была неизбежной. Если бы выяснилось, что Австрия на протяжении года-двух всё равно создала бы предлог для войны против Сербии, удельная значимость выстрела Гаврилы Принципа уменьшилась, и ключевым фактором выступило намерение Австрии.⁶⁷

Из изложенного видно различие между "альтернативной историей" как жанром художественной литературы и контрфактическими альтернативами употребимыми в качестве инструментов исторического исследования. Если исторические альтернативы в беллетристике ограничены лишь воображением автора, то для исторического исследования в основном годны лишь альтернативы лежащие в пределах горизонта реалистически возможного для исторических событий и действующих лиц. Научная реконструкция отличается от фантастической тем, что полагается на устойчивость некоторых определяющих связей в исторической ситуации. Научные альтернативы основаны не на незнании, а на знании. «Если же мы внимательно рассмотрим "суждения о возможностях", – размышляет Вебер, – то есть высказывания о том, что случилось "бы" при исключении или изменении определенных условий, и зададим себе вопрос, как же мы, собственно говоря, эти суждения получаем, то, без всякого сомнения, придем к заключению, что здесь всё время речь идет об изоляции и обобщении, то есть что мы расчленяем "данное" событие на его "составляющие" до той степени, которая позволит подвести каждый из них под определённое "эмпирическое правило" и тем самым установить, какого результата можно "было бы ожидать" в соответствии с эмпирическим правилом от каждого из этих компонентов, если бы все остальные выступали в качестве "условий". Суждение о "возможности" в том смысле, в котором данный термин здесь используется, всегда означает, следовательно, соотношение с эмпирическими правилами. Категория "возможности" применяется, таким образом, не в её отрицательном аспекте, не в том смысле, что она выражает наше незнание или неполное знание в отличие от ассерторического или аподиктического суждения, но, напротив, применение этой категории означает, что здесь происходит соотношение с положительным знанием о "правилах происходящего", с нашим "номологическим" знанием... Если на вопрос, прошел ли уже поезд определенную станцию, следует ответ "возможно", то это означает, что отвечавший субъективно не знает факта, который мог бы исключить такое предположение, но вместе с тем не может с уверенностью это утверждать. Другими словами, такой ответ можно определить как "незнание". Но если Э. Майер выносит суждение, согласно которому теократически-религиозное развитие Эллады в момент битвы при Марафоне было "возможным", а при известных обстоятельствах даже вероятным, то это означает, что для такого развития объективно существовали известные компоненты исторической данности, или, другими словами, что можно с объективной значимостью установить, какие из этих компонентов могли бы, если мы мысленно исключим битву при Марафоне (и, конечно, значительную часть других компонентов фактического хода событий), в соответствии с общими эмпирическими правилами позитивно "способствовать" такому развитию событий».⁶⁸

Значение контрфактических альтернатив в том, что они предоставляют не поле игры воображения, а косвенные и иногда прямые исторические свидетельства⁶⁹ – как то, через модельный расчёт экономической или демографической динамики, или иные реалистические и обоснованные оценки возможного альтернативного развития событий. Хотя между историками нет согласия о критериях того, какие контрфактические альтернативы употребимы для исторического анализа, есть попытки наметить такие критерии.⁷⁰

⁶⁶ D. Lewis, "Causation as Influence" // The Journal of Philosophy, Apr. 2000, стр. 182-197.

⁶⁷ D. Nolan, "Why historians (and everyone else) should care about counterfactuals" // Philosophical Studies : An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition, March 2013, стр. 331-332.

⁶⁸ Вебер, "Объективная возможность...", стр. 472-473.

⁶⁹ Martin Bunzl, "Counterfactual History: A User's Guide" // The American Historical Review, June 2004, стр. 845-858.

⁷⁰ Напр. P. Tetlock, A. Belkin, "Counterfactual Thought Experiments in World Politics : Logical, Methodological, and Psychological Perspectives", Princeton Univ. Press, стр. 16-31; Lebow, "What's So Different about a Counterfactual?", стр. 577-585.

Статья философа Д. Нолана обсуждает дополнительные причины, по которым рассмотрение и использование контрфактических альтернатив полезно для историков.⁷¹

1. Причинно-следственные связи. Контрфактические альтернативы тесно связаны с причинно-следственными связями, и их оценка является важной частью практики вынесения причинных суждений, а равно же и суждений о воззрениях и настроениях действующих лиц и учреждений, объективных шансах, непредвиденных случайностях или их отсутствии.
2. Выявление разногласий. Обсуждение контрфактических сценариев помогает прояснить делаемые предположения о ходе событий и выявить разногласия, которые не так легко выявить, если историки будут придерживаться только обсуждения того, что на самом деле произошло.
3. «Расширение сознания». Рассмотрение контрфактических альтернатив придаёт энергию историческому воображению и помогает выдвинуть и предложить для исследования новые, неконтрфактические гипотезы.
4. Смягчение искажений оптики послезнания и улучшенное понимание исторических случайностей. Эти преимущества особенно подчеркивает Лебов.⁷² В России Л.М. Баткин ещё в 1974 г. рассуждал:

«Мы, историки, иногда странно пишем историю. Мы умны задним числом. [...] Мы видим осуществленные возможности и склонны забывать о возможностях несбывшихся. Мы слишком стараемся быть строгими детерминистами и потому оказываемся плохими детерминистами. Мы пренебрегаем "субъективными" факторами, мы недооцениваем роль случая, мы легко расправляемся с тем, что "отброшено историей". Хотя история "отбрасывает" в муках. Неудачный мятеж нужно всё-таки подавить. Иначе он станет удачным. Живая социальная реальность с её игрой разнородных сил и обстоятельств, с её непрерывными альтернативами, неясными колебаниями чаши весов, драматическими развилками – всё, что так чутко ощущается нами в отношении настоящего и ближайшего будущего, нами как *современниками*, – вдруг выпрямляется нами как историками. Беда в том, что нам известны *результаты*. Когда знаешь результаты, картина кажется более простой. Заранее понятно, кто победит, а кто строит воздушные замки. Но самые фантастические планы вырастали из реальности и воспринимались участниками событий как реальные. Они и были реальными. Фантастическими они *становились*, потому что терпели провал. Вроде "ста дней" Бонапарта. Короче говоря: естественно спрашивать себя, почему Италия не была объединена до XIX в. Но не исторично ставить вопрос так: почему Италия *не могла* быть объединена».⁷³

В 1986 г. социолог и экономический историк Иммануил Валлерштейн выступил на мировом конгрессе по социологии проходившем в Дели с речью озаглавленной "Существует ли Индия?". «Если бы в период 1750-1850 гг. – рассуждал Валлерштейн – британцы колонизировали в первую очередь старую Империю Великих Моголов, назвав ее Индостан, а французы одновременно колонизировали южные (в основном дравидийские) зоны современной Республики Индия, дав ей имя Дравидия, то думали бы мы сегодня, что Мадрас "исторически" был частью Индии? Использовали бы мы вообще слово "Индия"? Не думаю. Вместо этого, вероятно, ученые со всего мира написали бы научные фолианты, доказывающие, что с незапамятных времен "Индостан" и "Дравидия" были двумя разными культурами, народами, цивилизациями, нациями или чем-то ещё. Могли бы быть некоторые "индустанские"

⁷¹ Nolan, "Why historians (and everyone else) should care about counterfactuals", стр. 333-334.

⁷² Lebow, "What's So Different about a Counterfactual?", стр. 559.

⁷³ Л.М. Баткин, "Спор о Данте и социология культуры" // Средние века, вып. 34, ИВИ АН СССР, М.: Наука, 1971, стр. 279. Любопытно, что Баткин, по его собственному признанию, превратился из марксиста в бахтинианца как раз накануне, в 1973 году (В.А. Мильчина, "Хроники постсоветской гуманитарной науки", М. 2019, стр. 334).

ирредентисты, которые время от времени претендовали на "Дравидию" от имени "Индии", но большинство здравомыслящих людей назвали бы их "безответственными экстремистами". В таком случае, как то, что произошло между 1750 и 1850 годами нашей эры, могло повлиять на то, что исторически произошло между шестым веком до нашей эры и 1750 годом, составляющими общепринятые ныне даты для "досовременной Индии"?». ⁷⁴ Восприятие этих земель в то время как "досовременной Индии" является искажением исторической оптики, вызванным послезнанием, на деле же история могла бы пойти так, что эти земли в то время мы вовсе не воспринимали бы теперь как Индию.

Благодаря подобному же искажению оптики, только уже переброшенному в будущее, мы ныне говорим о китайском народе, хотя такового не существует. Китаевед Сергей Дмитриев говорит о предмете своих занятий: «Китай единого и гомогенного не существует. Даже тот китайский язык, который учат в школах, институтах и т.д. – это официальный язык, на котором лет 70 назад не говорил практически никто. Он создан на основе пекинского диалекта плюс некоторые соседние наречия. Я уже встречал людей, которые говорят на нем дома, но всё же большинство населения говорит на диалектах, которые не так, как у нас какое-нибудь вологодское оканье, а это просто непонятные друг другу языки, и даже в одной группе китайских диалектов диалекты отличаются друг от друга так, как например славянские языки друг от друга, а если брать разные группы диалектов, то там отличия будут как между русским и французским. В любой другой ситуации нужно было бы говорить про разные языки». Далее Дмитриев ведёт речь про глубокие климатические и др. различия между Севером и Югом, делающие их совсем непохожими, и заканчивает свое рассуждение так: «Китайцы и Китай – это просто так вышло, что это одна страна, а по сути это субконтинент, и легко могло бы быть так, что там было бы несколько десятков государств, и это было бы даже легче объяснить, чем то, что сейчас там одно». ⁷⁵

То же может быть сказано о истории земель занимаемых ныне Германией, Францией или Италией, языковые и историко-культурные расхождения и политико-историческая дивергенция которых огромны, и которые при ином, вполне возможном ходе истории вполне могли бы не войти в общие для них государства и тем более не составить наций; поэтому восприятие их как "средневековой Италии", Германии или Франции является искажением исторической оптики обусловленным представлением о состоявшейся истории как единственно возможной, и таким образом определяющей не только настоящее, но и прошлое (до периода унификации) как опрокинутое обратно во времени настоящее.

Такое опрокинутое обратно во времени настоящее представляют, по устройству, все исторические конструкции не мыслящие возможных альтернатив хода исторических событий.

В 1943 г. американский политический философ Сидни Хук, разбирая упомянутый ранее лондонский сборник "Если б вышло иначе" (1931), заключал: «Врата прошлого молча закрываются за нами с ужасающей неумолимостью Божественного приговора. Этот неумолимый приговор означает лишь то, что ход исторических событий изменить уже нельзя, но вовсе не говорит о том, что все эти

⁷⁴ Immanuel Wallerstein, "The Essential Wallerstein", The New Press, 2000, стр. 310-315. Заглавие отсылает к вопросу Черчилля "Существует ли Индия?" заданном им в 1945 г. в интервью, бравшемся у него Мирой Бен. "Ну, при Ганди", – начала отвечать Бен, – "индийская нация начинает складываться". "Индийская нация – миф", отрезал Черчилль, – "её нет и никогда не будет" (India Parliament, House of the People, "Parliamentary Debates. Official Report", Lok Sabha Secretariat, 1988, стр. 469). "Индия – всего лишь географическое понятие. Она является страной не более, чем экватор", -- бросил Черчилль в другом случае. Основатель Сингапура Ли Куан Ю сходно обронил: "Индия не является страной. Это попросту тридцать два различных народа живущих вдоль британской железной дороги".

⁷⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=87jV-k1t5qY>, с десятой минуты.

события были необходимыми, а тем более – положительными. При неверном видении прошлого непредвиденное кажется предопределенным. Гипнотическое воздействие давно сложившегося и неизменного часто вводит в заблуждение тех, кто по своей наивности считает, будто у прошлого есть какая-то скрытая цель, а благочестивых склоняет к кощунственной мысли о том, что суд истории есть Божий суд. Если мы хотим прочесть страницы истории, а не бежать от нее, нам надлежит признать, что у прошедших событий могли быть альтернативы. Некоторые из них можно расценивать как реакцию на совершенные ранее ошибки, которые будущее дает шанс исправить. Эти альтернативы – не отголоски человеческих чаяний и желаний, а упущенные по тем или иным причинам объективные возможности – иногда из-за отсутствия героя, иногда – коня, иногда – подковы, но в большинстве случаев – из-за недостатка ума, особенно при реализации положительных объективных возможностей».⁷⁶

5. Понимание изнутри. Исторические субъекты беспокоились о контрфактических вопросах и пытались оценить контрфактические явления. Чтобы постичь события с их точки зрения, требуется, чтобы историк серьёзно относился к этим контрфактическим проблемам.
6. Направление и обоснование оценочных суждений. Сравнение с контрфактическими альтернативами важно при оценке ответственности за развитие событий, обоснованности гордости за них или сожаления о них, а также похвалы или порицания за них.

Так, например, вопрос об обоснованности атомных бомбардировок Японии или бомбардировки Дрездена не может быть разрешён вне сравнения состоявшейся действительности с контрфактическими оценками того, к чему и с какой вероятностью привела бы *небомбардировка*. Мотивы действующих лиц также не могут быть поняты вне учёта этих контрфактических возможностей, представлявших для современников событий возможные варианты их будущего, между которыми им необходимо было выбирать.

Использование контрфактических моделей и суждений для исторического анализа не является тривиальной проблемой, однако отказ от них не может быть осуществлён приемлемой для исторической дисциплины ценой.

«Работа историка должна приводить к приращению нового знания, – рассуждает С.А. Экштут, – Если, моделируя контрфактическую ситуацию, мы в результате получаем приращение нового знания, этот успех оправдывает всё и даёт модели право на существование».⁷⁷

* * *

Однако у историософии и её служанки истории существовало и поныне существует и противоположное течение, зародившееся ещё в античности и объяснявшее (как это упомянуто в приведённом выше рассуждении Тацита о воззрении большинства смертных) ход истории не волей человека, а велением богов и предугаданием рока или иной мировой силы. Это направление прошло через Мировую душу Платона (в "Тимее"), являющуюся организующим двигателем мира; чрез "пневму" стоиков пронизывающую всё сущее и движущую им; через Душу мира Дж. Бруно, всеобщую причину и образующее начало всех вещей, всеоживляющий и творящий принцип главенствующий над материей, "наполняющий всё... и побуждающий природу производить... свои виды"; чрез доктрины божественного предопределения и вмешательства. В новое время оно расцвело в виде "научного" детерминизма,⁷⁸ просвещенческих идей линейного поступательного

⁷⁶ С. Хук, "Если бы" в истории, стр. 214-215.

⁷⁷ Дискуссия // "Одиссей. Человек в истории", М. : Наука, 2000, стр. 63.

⁷⁸ По выражению Гумбольдта, "Вся история мира, прошедшая и будущая, может быть в значительной степени рассчитана математически, и полнота расчета зависит только от степени нашего знакомства с действующими причинами [...] Изучение механического и [...] химического способа объяснения всемирной истории чрезвычайно важно и становится особенно важным, когда оно применяется к более точному познанию направляющих законов мировой истории, согласно которым действуют и обретают последствия отдельные

прогресса и гегелевской историософии Абсолютного духа, саморазвитие которого порождает историческую действительность ("всё действительное разумно", т.е. все сущее предусмотрено мировым разумом и являет его осуществление и развёртывание); отлившихся в стремления построить дисциплины изучающие человеческое общество и поведение по модели лапласианской механики⁷⁹ и в позитивистской интерпретации методов историографической школы Ранке; а затем обрело новое тело в пропитанной экономическим монизмом и экзальтирующей безличными начала историко-материалистической детерминистской метафизике Маркса; и, пройдя через "Монистический взгляд на историю" Плеханова-Бельтова, достигло высшего расцвета в "Кратком курсе истории ВКП(б)" с его однолинейностью исторического развития и исторической "закономерностью", "необходимостью" и "неизбежностью", в безальтернативном "непоколебимом морально-политическом единстве советского общества"⁸⁰ и в метафизике советской истории, рисовавшей восстание Спартака и реформы Грахов как ступеньку на долгом пути к Октябрьской революции – заветной мечте всех трудящихся и обременённых на протяжении тысячелетий, призванной упокоить их (Мф. 11:28-30).⁸¹ Советская историческая метафизика, таким образом, представляет вариант божественного предопределения и развёртывания Абсолютного духа.

В этой метафизике подневольно воспитались подсоветские историки *en masse* и советская историческая школа. «Нас всех этому учили, и хотя мы уже сняли марксистские цитаты и перестали поклоняться портретам классиков, но если нас поскрести, найдется ли там что-то другое – это ещё большой вопрос», – обронил д.и.н., профессор МГУ, сотрудник Института всеобщей истории РАН А.Я. Гуревич (1924-2006).⁸² «"История не знает сослагательного наклонения", – мы все воспитаны на этой строгой фразе», – пишет главный научный сотрудник ИВИ РАН, член-корреспондент РАН П.Ю. Уваров, – «Обычно она произносится тоном, отбивающим всякую охоту спорить. [...] Однако, оглядевшись по сторонам, мы с удивлением обнаруживаем, что хотя история сослагательного наклонения, может быть, и не знает, но историки активно им пользуются, и даже не только и не столько профессиональные историки, сколько те, кто прибегает к "историческим" аргументам».⁸³

В советской историографии первым об альтернативных сценариях истории заговорил М.Я. Гефтер.

«В 1964 году им был создан и возглавлен сектор методологии истории при Институте истории АН СССР. Благодаря инициативе Гефтера в задачи сектора методологии истории вошла проработка идеи многовариантности исторического развития. Гефтер полагал, что без категории "альтернатива развития" современный историк не может придать единство и последовательность историческому мировоззрению.

компоненты истории, её силы и реагенты" (Wilhelm von Humboldt, "Gesammelte Schriften", т. 3, Berlin, 1904, стр. 361-362).

⁷⁹ Лапласовский детерминистский принцип концентрировано выражен в его изречении: "Состояние системы природы в данный момент является, очевидно, результатом состояния в предыдущий момент, и если мы представим себе Разум, который в данный момент охватывает все отношения существ во Вселенной, Он будет способен определять для любого момента прошлого или будущего их положения, движения и вообще их связи" (Roger Hahn, "Laplace as a Newtonian Scientist: A Paper Delivered as a Seminar on the Newtonian Influence Held at the Clark Library, 8 April, 1967", University of California, William Andrews Clark Memorial Library, Los Angeles, 1967, стр. 17).

⁸⁰ Морполединство предшествует "Краткому курсу истории ВКП(б)". Курс был опубликован в 1938 году, а единство запущено Молотовым в докладе 6 ноября 1937 года в Большом театре: В.М. Молотов, "К двадцатилетию Октябрьской революции", М. 1937, стр. 30-31.

⁸¹ Мы не прослеживаем развитие концепции исторической безальтернативности в неевропейских культурах, как то в философии веданты или буддизме. О разворачивании концепции безальтернативности и телеологичности истории в историографии нового времени см. подробнее N. Ferguson, "Virtual History: Towards a 'chaotic' theory of the past" // ред. N. Ferguson, "Virtual History. Alternatives and Counterfactuals", Picador/Macmillan, 1997, стр. 1-90.

⁸² А.Я. Гуревич, «История культуры: бесчисленные потери и упущенные возможности» // "Одиссей. Человек в Истории", вып. "История в сослагательном наклонении?", Институт всеобщей истории РАН, М. : Наука, 2000, стр. 53.

⁸³ П. Уваров, Вступительное слово // "Одиссей. Человек в Истории", 2000, стр. 5.

Однако подлинный взрыв интереса к альтернативности истории наблюдается в 70-80-х годах. Следуя традиции, введенной М.Я. Гефтером, историк А.Я. Гуревич в статье "Общий закон и конкретная закономерность истории" рассматривает методологические аспекты проблемы альтернативности исторического развития. Методологическую важность изучения альтернативности исторического развития Гуревич видит в том, что при понимании закономерности исторического процесса как неотвратимости и однозначности конкретное объяснение истории сделалось бы, по существу, излишним: достаточно было бы постулировать общие законы и в каждом данном событии находить их проявление.

Огромный вклад в развитие альтернативного направления в советской историософии сделал Б.Г. Могильницкий. В его работах принципиально новым стало рассмотрение проблемы альтернативности как самостоятельной темы, а не как части проблемы соотношения социологических и конкретно-исторических закономерностей. Могильницкий акцентирует внимание на том, что исторический процесс изначально является многовекторным и альтернативным. Он поясняет, что исторический процесс является альтернативным благодаря постоянной борьбе "разнородных тенденций-альтернатив, каждая из которых имеет свое основание в реальной действительности и, следовательно, определенные возможности реализации".

К важным работам, где исследуется тема альтернативности исторического развития, можно отнести труды культуролога и основателя всемирно известной школы семиотики Ю.М. Лотмана. В своей книге "Культура и взрыв" он выдвигает идею принципиальной непредсказуемости развития культуры, объясняя это наличием в ней взрывных моментов, когда события погружаются в сферу возможностей. [...] В точках бифуркации в социальных системах вступает в действие не только механизм случайности, но и механизм сознательного выбора. В такие моменты поведение отдельных личностей, как и масс, становится непредсказуемым. Выбор пути, который реализуется, зависит от целого ряда случайных событий, но в большей мере, от самих участников этих событий [...] Лотман стал одним из первых, кто указал на взаимосвязь синергетических концепций и исторического познания, в частности, альтернативно-исторических конструирований. С 90-х годов попытки теоретического осмысления альтернативно-исторических построений с позиций синергетики пользовались огромным успехом (работы Я.Г. Шемякина, М.С. Кагана, М.С. Чешкова, Л.И. Бородкина и др.).

В 1994 году в свет вышла монография С.А. Экштута "В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы", которая была написана на основе диссертационного исследования. Это была первая в отечественной историографии докторская диссертация, посвящённая альтернативности в истории. Как и Ю.М. Лотман, главной причиной в возникновении исторических альтернатив С.А. Экштут считает историческую случайность. В своей работе автор рассматривает те случайные происшествия в истории России, которые значительно повлияли на общественное сознание изучаемого времени и на поступки главных участников событий, связанных с движением декабристов. Помимо исторической случайности, для него важна нравственная компонента, из чего вытекает проблема выбора личности. Автор показывает, как исторический выбор преломлялся через индивидуальные судьбы, и как индивидуальная судьба могла бы стать воплощением возможного исторического выбора (на примере судеб генералов Киселева, Ермолова, Воронцова, Клейнмихеля и др.)»⁸⁴

Статьи пионеров продвижения историко-альтернативного анализа в СССР были по необходимости отягчены марксистским волюнтаризмом, поклонами "законам развития общества", "способу производства", "экономическому базису" и "материалистическому пониманию истории", а также попытками обосновать, что детерминистская модель исторического объяснения не исходит от Маркса как Св. Дух от Отца, а заведена вульгарными извратителями марксизма, в свидетели чему

⁸⁴ Н.А. Ткаченко, "История в сослагательном наклонении : опыт альтернативной истории" // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, серия "Философия. Культурология. Политология. Социология", том 27 (66), 2014 №1-2, стр. 169-170. См. тж. А.Я. Гуревич, "Общий закон и конкретная закономерность истории" // Вопросы истории, 1965 №8, стр. 23-29; Б.Г. Могильницкий, "Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции" // Методологические и историографические вопросы исторической науки, 1974 № 9, стр. 4-14 (особ. стр. 13); Б.Г. Могильницкий, "Введение в методологию истории", М.: Высшая школа, 1989, стр. 47-63; Ю.М. Лотман, "Культура и взрыв" СПб., 2000, стр. 39-41; Ю.М. Лотман, "Изъявление Господне или азартная игра? Закономерное и случайное в историческом процессе" // "Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа", М. : Гнозис, 1994, стр. С. 353-363.

призывался Ленин (sic).⁸⁵ Член-корреспондент (позднее академик) АН СССР, главный редактор журнала "История СССР" И.Д. Ковальченко предпринял в 1986 г. диверсионный подвиг и в статье журнала представил Ленина историко-альтернативным аналитиком.⁸⁶ Тем не менее существенное было произнесено:

«Мы можем определить историческую альтернативу как объективно существующую тенденцию общественного развития, которая коренится в материальных условиях жизни общества, содержащих возможность определённого исторического действия. Каждая такая тенденция-альтернатива включает в себя как объективные (материальные, экономические), так и субъективные (стоящие за нею социальные силы, их политическая организация, социально-психологический климат общества и психология его различных слоев, их ментальность и т.п.) предпосылки своей реализации в исторической действительности; их сложное переплетение в конечном счете обуславливает её возможность в противоборстве с другими альтернативами. Ибо вследствие гетерогенного характера всякого общества, проявляющегося прежде всего в его социально-экономической структуре, в нём существуют различные тенденции-альтернативы, каждая из которых имеет свое основание в реальной действительности, в объективных условиях жизни общества, порождающих ту или иную возможность его дальнейшего развития.

Иными словами, историческая альтернатива – не просто умозрительное понятие, не некая "умственная конструкция", создаваемая историками в познавательных целях, а объективная категория, отражающая реальные связи, существующие в исторической действительности. Историк не конструирует бесконечное число альтернатив по принципу "могло быть и так", а обнаруживает их в реальной действительности с целью её более глубокого и разностороннего познания. Следовательно, мы можем определить историческую альтернативность как имманентно присущее обществу состояние, характеризующееся наличием и борьбой различных альтернатив, выражающих объективно существующие тенденции его дальнейшего развития. Речь идёт, таким образом, об одной из важнейших закономерностей исторического процесса, раскрывающей его действительную природу. Ибо, коль скоро история не "происходит", а "делается", фундаментальное значение приобретает вопрос, как это совершается в реальной жизни».⁸⁷

Вскоре, в 1991 г. даже советские до мозга костей историки П.В. Волобуев, В.Е. Мельниченко (этот позже впридачу стал украинцем) и Ю.А. Поляков предались обсуждению вопроса о том, была ли большевицкая революция неизбежна, или существовали альтернативы.⁸⁸ Беседа началась с замечания, что "ещё несколько лет назад [публичное] обсуждение вынесенной в заголовок темы было бы попросту немислимо".

Собеседников, увы, не посетило соображение, что ответ на обсуждаемый ими вопрос указывается тривиальным наблюдением: если б в декабре 1907 года температура воздуха в Ботническом заливе была на полградуса теплее, и лёд соответственно мягче, большевицкой революции в 1917 году произойти не могло.

В декабре 1907 года, после провала революции, Ленин бежал из России. «Как водится, первым уехал [за границу] Ленин», – сообщал Аксельроду Мартов.⁸⁹ Для бегства Ленин избрал маршрут пролежавший через лёд Ботнического залива, а в проводники избрал двух финских крестьян, которые перед выходом на маршрут приняли горячительного и по пьяни завели Ленина на мягкий лёд. «Лёд, – рассказывает Крупская – несмотря на декабрь, был не везде надёжен. Не было охотников рисковать

⁸⁵ Б.Г. Могильницкий, "Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции" // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 9. Томск, 1974; Б.Г. Могильницкий, "Альтернативность в истории советского общества" // Вопросы истории, 1989 № 11, стр. 3-16; Б.Г. Могильницкий, "Историческая альтернативность : Методологический аспект" // Новая и новейшая история, 1990 №3, стр. 3-18.

⁸⁶ И.Д. Ковальченко, "Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии" // История СССР, 1986 №4, стр. 83-104.

⁸⁷ Могильницкий, "Историческая альтернативность : Методологический аспект", стр. 7.

⁸⁸ П. Волобуев, "К вопросу о закономерности октябрьской революции" // "Октябрь 1917 : величайшее событие века или социальная катастрофа?", М. : Изд. полит. лит-ры, 1991, стр. 13-18; Беседа доктора исторических наук, заведующего сектором Идеологического отдела ЦК КПСС В. Мельниченко с академиком АН СССР П. Волобуевым и членом-корреспондентом АН СССР Ю. Поляковым // там же, стр. 65-84.

⁸⁹ Мартов в письме Аксельроду от 10 декабря 1907 г. // "Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О.Мартова", Берлин, 1924, стр. 176.

жизнью, не было проводников. Наконец, Ильича взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено. И вот, пробираясь ночью по льду, они вместе с Ильичём чуть не погибли – лёд стал уходить в одном месте у них из-под ног. Еле выбрались. Потом финский товарищ Борго [...] говорил мне, как опасен был избранный путь и как лишь случайность спасла Ильича от гибели. А Ильич рассказывал, что, когда лёд стал уходить из-под ног, он подумал: "Эх, как глупо приходится погибать"». ⁹⁰

«Что было бы, если б 15 декабря 1907 года Ленин утонул в Ботническом заливе?» – вопрошает Н.В. Валентинов (Вольский), – «Произошла бы Октябрьская революция 1917 года? А если бы произошла, – приняла ли бы она, без Ленина, тот особый социально-политический характер, который он своими декретами ей "насиловательно навязал", вопреки марксизму Плеханова, доказывавшего, что "никакой великий человек не может навязать обществу такие отношения, которые уже не соответствуют состоянию производительных сил или еще не соответствуют ему"? В ходе великих исторических событий, определенных Октябрьской революцией, не сыграл ли роль такой пустяк, как пласт более крепкого льда, на который, ища спасения, вскочил тонувший Ленин?» ⁹¹

Между тем, основные непосредственные последствия утопления Ленина предсказать нетрудно. После утопания Ленина и разгрома революционных организаций в 1907-1909 гг. численность фракции большевиков под предводительством наследовавшего Ленину Богданова ⁹² не только фактически

⁹⁰ Н.К. Крупская, "Воспоминания о Ленине", М.: Партиздат, 1933, стр. 125; М. Коронен, "Финские интернационалисты в борьбе за власть советов", Лениздат, 1969, стр. 54-57.

⁹¹ Валентинов, "Малознакомый Ленин", СПб.: Мансарда, 1991, стр. 69.

⁹² Богданов, бывший не только крупнейшим социалистическим идеологом и властителем мыслей, но и крупнейшей политической фигурой, стал бы несомненным преемником Ленина в качестве вождя большевической фракции. В 1905 году Богданов был признанным вождём большевиков в России, широко известным не только в интеллигентских верхах партии, но и в её рабочих низах и во внепартийных рабочих слоях: более известным среди рабочих, чем Ленин. Он также входил в руководящие органы РСДРП и её большевической фракции.

«Роль Богданова в развитии нашей партии и для развития общественной теории в России была исключительной», – писал в 1928 г. Н.Бухарин в правдинском некрологе на смерть Богданова. По словам Бухарина, Богданов, «образованнейший человек нашей эпохи», в течение «значительного периода» был «одним из выдающихся теоретиков марксизма»; целое поколение «буквально жило его произведениями», «а многие, очень многие обязаны началом своего революционного становления вообще только ему».

На совещании 22-х большевиков в Женеве в ноябре 1904 года, на котором была заложена основа большевической партийной организации, Богданов был избран в Бюро комитетов большинства, которое должно было действовать параллельно ЦК всей партии в качестве новой партийно-нелегальной руководящей верхушки большевической фракции и вскоре стало известным как "большевистский центр". Вернувшись в Россию, с декабря 1904 года Богданов работал в Петербурге и, по выражению М.Н. Покровского, в этот период был вице-лидером партии: «А.А. Богданов – это был великий визирь этой большевистской державы. Поскольку он управлял непосредственно и постоянно сидел в России, тогда как Ильич до революции 1905 г. был в эмиграции, постольку Богданов больше влиял на политику партии [...] линия Богданова [...] господствовала до октября 1905 г.»

В России Богданов, преодолевая сопротивление меньшевиков, подготовил большевистский III съезд партии (прошел с 25 апреля по 10 мая 1905 г. в Лондоне), на котором Богданов – вместе с Лениным и Красиным – был избран в Центральный комитет. Одновременно Богданов был назначен главным уполномоченным по литературной работе Центрального комитета в России. Группа литературно-политических друзей Богданова составляла в 1905-1908 годах основные кадры сотрудников большевистских легальных изданий. В Петербурге Богданов представлял ЦК РСДРП в Петербургском Совете рабочих депутатов и совместно с Красиным организовывал военно-технические группы, позднее участвовавшие в печально знаменитых большевистских терактах и экспроприациях. В октябре 1905 г. Богданов вместе с Красиным, Румянцевым, Горьким, Базаровым, Луначарским и Лядовым основал первую легальную большевистскую ежедневную газету "Новая жизнь".

«Благодаря, в частности, тому, что он с самого начала революции находился в России, Богданов разбирался в происходивших событиях лучше Ленина, вернувшегося в Россию из эмиграции только в ноябре 1905 г. Но главное заключалось в том, что Богданова в тот период рабочие знали лучше, чем Ленина. По крайней мере, на протяжении всего 1905 г. Богданов пользовался в России репутацией признанного вождя большевиков. Арестованный при разгоне Петербургского совета в декабре 1905 г., Богданов заочно избирается в Центральный комитет на IV съезде партии, состоявшемся в апреле 1906 г. в Стокгольме. [...] На V (Лондонском) съезде партии в мае 1907 г. [...] в отличие от Ленина, он [Богданов] вновь избирается в

сократилась до нескольких сот человек, но и уже никогда бы не расширилась за эти пределы,⁹³ при этом фракция была бы расколота на субфракции большевиков-примиренцев, ультиматистов,

Центральный комитет. Кроме того, он был членом "большевистского центра", формировавшего редакцию "Пролетария" и определявшего дальнейшую тактику большевиков».

Руководящая тройка большевизмской фракции РСДРП состояла с 1906 г. из Ленина, Богданова и Красина, которого Богданов привлёк на сторону большевиков.

После 1907 года в большевизмской фракции формируется группа "левого крыла" обретающая серьёзное влияние в партийных организациях Петербурга и Москвы, в губернском комитете Центральной России, в Одессе и на Урале. «В эту группу левого крыла [...] входили Богданов, Луначарский, Красин, Алексинский, Базаров и тесно связанный с ними Максим Горький, а кроме того, Вольский, Шанцер, Лядов, В.А. Десницкий (Строев), Д.З. Мануильский, В.Р. Менжинский, историки М.Н. Покровский и Н.А. Рожков и др. Политический вес группе придавало не только то, что она являла собой наиболее значительный интеллектуальный потенциал большевиков. Все они представляли неортодоксальный, как они выражались, "антиавторитарный" вариант марксизма, стремясь к его развитию и даже обновлению, прежде всего за счёт привлечения новейших результатов, полученных естествознанием и философией науки. Кроме того, все они намеревались включить в марксизм теорию познания эмпириокритицистов Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса, исходящих из того, что познание опирается исключительно на опыт». «Агенты охраны, нередко хорошо информированные, уверенно сообщали в своих донесениях того времени о фракциях "ленинистов" и "богдановистов". [...] Плеханов [...] без обиняков заявлял, что "богдановизм" – официальная философия большевизма...»

Восхождение Богданова как крупной влиятельной и властной фигуры в партии и фракции вызвало столкновение между ним и Лениным. Столкновение обострялось расхождениями по вопросу об участии в Государственной Думе, контролем над партийной кассой и диспаритетом между ленинской узколобостью и сравнительным интеллектуализмом Богданова. Наполненный площадной бранью ленинский "Материализм и эмпириокритицизм", выставивший философски-безграмотного и интеллектуально-беспомощного автора на всеобщее посмешище, писался Лениным не с философско-академической, а с приземлённо-практической целью: по-мошачьи облаять конкурента и, облыжно обвинив его в "идеализме", заклеить его идейно-непролетарской "ревизионистской" фигурой и оттеснить от руководства большевизмской фракцией. Работая над "Материализмом и эмпириокритицизмом", Ленин писал в июле 1908 г. В.В.Воровскому, сотруднику газеты "Пролетарий": «Положение у нас трудное. Назревает разрыв с Богдановым... На ближайшей конференции столкновение неизбежно. Весьма вероятен раскол. Я выйду из фракции, если только верх возьмет линия "левых"...»

(Ю. Шеррер, "Большевизм на распутье : Богданов и Ленин" // Россия XXI (общественно-политический и научный журнал), 1996 №5-6, стр. 116-120; "М.Н. Покровский о В.И. Ленине. Стенограмма выступления в Институте красной профессуры 1 февраля 1924 г." // Отечественные архивы, 1992 №3, стр. 98; Б.И. Николаевский, «К истории "Большевистского центра"» // Б.И. Николаевский, "Тайные страницы истории" (сост. Ю.Г. Фельштинский), М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995, стр. 11-92).

⁹³ Численность петербургской организации РСДРП (все фракции и нефракционные с.-д.) в конце 1911 г. составляла 100 чел., численность московской городской организации в начале 1910 г. – 270 чел. (города и губернии совокупно – 400 чел.). При этом "членство" в партии определялось по числу посещавших партийные собрания с некоторой степенью регулярности, что и воспринималось признаком принадлежности к организации. Когда представители сформированной в 1911 в основном из большевиков-ленинцев российской организационной комиссии (РОК) по созыву партийной конференции (будущей пражской конференции) разъехались по регионам, пытаясь установить связь с местными организациями, то выяснилось, как на конференции от лица РОК докладывал Г. Орджоникидзе, что "в большинстве чисто русских губерний империи члены РОК связаться с подпольными организациями не смогли, ввиду развала и дезорганизации последних, и принуждены были входить в деловые сношения с наличным числом отдельных между собой не связанных партийных работников". В Харькове и Одессе посланники РОК не обнаружили следов организаций вовсе (в Харькове оставалась организация численностью около 30 чел., но практически прекратившая деятельность и представителями РОК не найденная). В Луганске "раньше была сильная организация. Аресты 1908 года (более 10 чел.) её надолго разбили", "с 1910 до 1911 г. не было ничего, была только группа с.-д., связанных лично; официально не связывались и ничего не делали", "оторванность от партии страшная. Приезд агента РОК ... на собрании были 15-20 человек". В Самаре "в мае месяце [1911] ничего не было, но потом вернулись из ссылки, стали толковать об организации". В Оренбурге "группа состоит из 17 человек, часть интеллигентов – 5 человек". В Туле «есть группа скучающих, ищущих и чающих. Вся их деятельность сводится к распространению "Звезды" [легальная большевистская газета с участием меньшевиков-неликвидаторов]». И т.п.

Количество сторонников на всю Россию, которое смог набрать Ленин, собирая в 1912 году пражскую конференцию, составило не больше 420 человек: на конференции присутствовало 14 делегатов, с 30 местными

отзовистов и богостроителей; субфракция большевиков-ленинцев (ленинский кружок) прекратила бы существование, или вернее не сложилась; газета "Правда" вероятнее всего не начала бы выходить из-за меньшей готовности спонсоров давать деньги "под Богданова", и во всяком случае не переселила меньшевицкий "Луч", который и стал бы задавать тон и стал "телевизором пролетариата"; Апрельских тезисов в 1917 году не появилось, абсурдная антимарксистская мысль об устройении социалистической революции в России если б и была озвучена Троцким (на теории перманентной революции которого Ленин выстроил свою революционную стратегию), не получила бы никакой поддержки и была высмеяна; и – last but not least – в российском революционном движении не имелось бы очевидного вожака радикала-пораженца, на массивное финансирование которого согласилось бы немецкое правительство, без какого финансирования не могло быть и речи о создании силовой и организационной базы для попытки захвата власти; большевики и бывшие большевики (среди которых не существовало бы ленинцев) заседали б в парламенте в составе парламентской фракции РСДРП(о),⁹⁴ совокупно имеющей в парламенте несколько процентов голосов, возлагая свои упования на скорейшее развитие в России капитализма, как необходимую ступень на долгой дороге к социализму. Большевицкая революция никогда бы не встала в повестку дня, и российская социал-демократия прошла бы примерно тот же путь, что и социал-демократические партии в странах западной Европы.

Степень неизбежности большевицкой революции, таким образом, – ровно такова же, как неизбежность хлопанья крыльями бабочки, вызвавшей в декабре 1907 г. похолодание в Ботническом заливе на полградуса. Иначе говоря, стабильность исторического исхода в виде большевицкой революции крайне низка. Если б погода в Ботническом заливе в декабре 1907 г. была на полградуса теплее, соотношение общественных сил не смогло бы привести в 1917 году к псевдосоциалистической революции.

Один муд[рец] – нам на беду –
Полз по Ботническому льду.
Не так бы прочен был тот лёд –
Не так страдал бы наш народ.

Историк-медиевист А.Я. Гуревич делает наблюдение об обсуждениях того, «почему так случается, что иногда, казалось бы, незначительные причины имеют огромные последствия. Я хочу в связи с этим напомнить об одном известном историческом событии. В 1347-1349 гг. Европу постигла эпидемия "черной смерти", бубонной чумы, истребившая до трети ее населения, причем там, где скученность населения была выше, в городах, события были сверхдраматичны. [...] Историки начинают думать: возможно ли, чтобы такая случайность привела к слоому исторического процесса? [...] Мы не можем примириться с тем, что крыса победила людей, и ищем всему этому более солидные причины. Между тем как пропорциональность причин и следствий вряд ли существует».⁹⁵

Мысль о том, что незначительные по собственной величине события или явления иногда обретают огромные последствия, никак не нова в истории. Притчей во языцех является замечание Паскаля о том, что если бы нос Клеопатры был некрасив, то Антоний не влюбился бы в неё, и история Римской Империи пошла другими путями: "Если б нос Клеопатры был покороче, весь лик

голосами представляемыми каждым. Действительность была ещё менее радужной, т.к. на деле некоторые из делегатов выбирались 8-10 голосами, а для других посылающие их организации и собрания оных возможно фальсифицировались, как об этом утверждали внутривнутрипартийные оппоненты ленинцев.

("Протоколы VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП" // "Вопросы истории КПСС", орган Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1988, №5, стр. 48-55, №6, стр. 49; "Пражская конференция РСДРП 1912 года : Статьи и документы", Партиздат ЦК ВКП/б/, 1937, стр. 132; "Очерки истории ленинградской организации КПСС", в трёх томах, т. 1 (1883-1917), Л. 1980, стр. 93, 95, 127, 141, 144, 152, 154, 156, 158, 170, 429; "Очерки истории Московской организации КПСС", Институт истории партии МГК и МК КПСС – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, кн. 1 (1883 - ноябрь 1917), М. 1979, стр. 105, 174-175, 187, 195-6, 211; "Очерки истории Харьковской областной партийной организации", Харьков, 1980, стр. 66, 73, 79; "Московская областная партийная организация в цифрах : 1917-1982", Институт истории партии МГК и МК КПСС – Филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, М. 1984, стр. 24; А.Я. Великанова и др., "На пути ко второму штурму : Большевики Петрограда между двумя революциями (1907 г. – февраль 1917 г.)", Институт истории партии ленинградского обкома КПСС, Филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Л. 1974, стр. 26)

⁹⁴ При очевидном условии, что Гучков не угодил бы в январе 1917 г. под конку.

⁹⁵ А.Я. Гуревич, "История культуры" // "Одиссей. Человек в истории", М. : Наука, 2000, стр. 55.

земли был бы иным".⁹⁶ «Можно ли всерьез усомниться, – рассуждает Р. Лебов, – что ход истории был бы иным, если бы дочь фараона не нашла ребёнка в корзине в камышах [Моисея], если бы монгольский флот не встретил разрушительный тайфун на пути в Японию, если бы герцог Альба не заболел в 1572 году, или если бы Гитлер погиб в окопах во время Первой мировой войны или в дорожно-транспортном происшествии, в которое он попал летом 1930 года и которое едва не закончилось смертельным исходом? Когда герцог Альба слёг в постель, его неопытный и высокомерный сын принял на себя командование войсками, осаждавшими Гарлем, отклонил предложение города о капитуляции на определенных условиях и продлил голландское восстание против испанского владычества. Способность голландцев к устойчивому сопротивлению привела в ярость Филиппа II и его племянника Александра Фарнезе, герцога Пармского. Они убедили себя, что голландцы сопротивляются только благодаря поддержке Англии, и решили разобраться с Англией напрямую. Джеффри Паркер предполагает, что происшедшее отсюда поражение испанской армады сделало американский континент открытым для вторжения и колонизации со стороны северных европейцев и сделало возможным основание Соединенных Штатов. Из-за нехватки таблеток аспирина мог быть потерян целый континент. Макс Вебер не без оснований настаивал на том, что наиболее правдоподобными контрфактами являются те, которые приводят лишь к "минимальному переписыванию" истории».⁹⁷

Насколько большое влияние малозначительные события оказывают на ход истории, иллюстрирует и следующий пример из разряда "носа Клеопатры":

«С начала 1870-х и до конца 80-х годов российские государственные бумаги и гарантированные правительством бумаги железнодорожных обществ размещались в Германии в большом количестве. Немецкие банки были основными кредиторами русского правительства, в их руках ещё до середины 1880-х годов сосредотачивалось 4/5 всех российских займов. Согласно утверждению Циона, держателями 6/10 всех российских ценных бумаг за границей были немцы.

Однако в 1887 г. [...] канцлер Отто фон Бисмарк запретил Имперскому банку и Банку для морской торговли выдавать ссуды под залог российских ценных бумаг, что, естественно, осложнило ведение с ними операций. Всем прусским государственным учреждениям было предписано продать имеющиеся у них русские ценные бумаги. В немецкой прессе началась кампания, направленная против российских ценностей. Всё это происходило как раз в тот момент, когда Александр III прибыл с официальным визитом в Берлин.

В результате на Берлинской фондовой бирже произошел массовый выброс российских бумаг. Только в течение двух с половиной недель, в конце июня и начале июля на германском рынке было продано русских бумаг на 115 млн марок. Их широкомасштабная продажа по очень низким ценам принесла немцам огромные убытки. Этой ситуацией воспользовались французские банки и биржевики. В операции по покупке русских ценностей участвовали такие крупнейшие французские финансовые магнаты, как банкирские дома Ротшильдов, Верне, Малле, Готтингера и другие. Эти банкирские фирмы организовали специальный синдикат по покупке русских бумаг на германском рынке. Ротшильды действовали самостоятельно и отдельно от синдиката. Они, при содействии немецких банкиров, стремившихся поскорее избавиться от обесценивающихся российских бумаг, скупили их по очень низким ценам. В результате почти все русские ценности в конце XIX — начале XX в. переместились из Германии во Францию.

Взамен германский рынок был наводнен итальянскими, аргентинскими, греческими, сербскими, португальскими и другими такими же фондами, вскоре понизившимися в цене вследствие того, что правительства этих стран отказались от уплаты установленных процентов.

В Берлине скоро поняли совершенную в 1887 г. ошибку. Два года спустя немецкие банкиры, обеспокоенные успехом русских займов во Франции, предложили российскому правительству даже более выгодные условия. В Германии было осуществлено несколько российских займов, но ситуация к тому времени изменилась коренным образом. Финансы России оказались уже прочно связанными с французским фондовым рынком».⁹⁸

⁹⁶ Б. Паскаль, "Мысли", памятники мировой литературы, М. 1995, стр. 184.

⁹⁷ Lebow, "What's So Different about a Counterfactual?", стр. 567-568.

⁹⁸ П.В. Лизунов, "Русские ценные бумаги на российских и европейских фондовых биржах (конец XIX — начало XX в.)" // Экономическая история: Ежегодник. 2001 (ред. Л.И.Бородкин), М.: РОССПЭН, 2002, стр. 234-235.

Решение, принятое Бисмарком импульсивно и непродуманно, как текущее,⁹⁹ долгосрочно закончилось для Германии утратой значительной части территории, гибелью 1/4 населения, потерей всех колоний и статуса великой державы. Заодно Германия утащила с собой в пропасть всех своих союзников – Австро-Венгрию и Османскую империю. Для мира и России дело закончилось крахом русского государства и появлением на его месте коммунистического режима, установление которого финансировалось правительством кайзера.

Аналогично, Л.Р. Хут обращает внимание, что возникновение капитализма было крайне маловероятным явлением, случившимся лишь благодаря редкому и уникальному сочетанию факторов, и если бы не это весьма случайное сочетание, капитализм остался бы "дверью, которая никогда не открылась".¹⁰⁰ Л.М. Баткин, называющий рождение капитализма в Европе «самой большой тайной всемирной истории», пишет: «Нелепо было бы думать, что происшедшее в XVI-XVII вв. и позднее было “запрограммировано” за тысячи или хотя бы за сотни лет в историческом ДНК того, что затем будет названо “европеизмом” или “Западом”... Задним числом можно установить *закономерность* происходившего, переплетение причинно-следственных связей и игры случая, но не *необходимость* мутации». Баткин затем вопрошает: «Если – по историческому масштабу в одночасье – Великая Альтернатива могла однажды возникнуть в маленьком регионе, чтобы вскоре преобразить суть глобальной Истории, то уместно задаться вопросом: возможны ли подобные (не предрешенные и совершенно непредсказуемые) структурные и тотальные мутации также в будущем? И что же такое, следовательно, странная историческая необходимость, которая тайком знает с виртуальной историей?»¹⁰¹

Наиболее многогранное и объёмное обсуждение методологии и ценности исследования исторических альтернатив в русском сообществе историков представил, вероятно, "круглый стол" проведённый редакцией ежегодника Института всеобщей истории РАН "Одиссей. Человек в истории", с тематическим выпуском опубликованным в 2000 г. Любопытно, что хотя историки убеждённые в том, что "история не знает сослагательного наклонения" существуют, и их немало, ни один из них на круглый стол не пришёл. Один из представителей этого направления пояснил с грустью свой абсентеизм: «Спорить бесполезно. Раз это уже вырвалось наружу, то разлитую воду обратно в стакан не соберёшь».¹⁰² Во всяком случае ему нельзя отказать в последовательности приложения принципа о том, что "всё действительное разумно", являя собою детерминистическое развёртывание Абсолютного духа и, следовательно, было обречено произойти. Применение сослагательных методов в исторической дисциплине будет, очевидно, возрастать по мере постепенного приятия влияния и роли человека (индивида) и человеческого воления в историческом процессе.

Необходимость применения сослагательного анализа также, по-видимому, связана с уровнем внутренней сложности изучаемого объекта. «Уясняя феномен сослагательности, – рассуждает историк М.А. Чешков, – можно принять следующую гипотезу: чем выше порядок сложности объекта, тем выше уровень неопределенного, вероятностного и случайного в его развитии. Иначе говоря, можно предположить существование позитивной связи между сложностью объекта и степенью сослагательности его развития».¹⁰³

⁹⁹ Формальным поводом послужила конфискация немецкой собственности в русской Польше. Фактическая причина названа высокопоставленным немецким правительственным чиновником: "цель состоит в том, чтобы лишить недружественное правительство средств для развития вооружений, которые могут быть направлены против нас. Пусть русские ищут денег, если им нужно, у своих друзей французов" – что именно и произошло. (G. Kennan, "The Decline of Bismarck's European Order : Franco-Russian Relations, 1875-1890", Princeton University Press, 1979, стр. 343).

¹⁰⁰ Л.Р. Хут, "История неслучившегося, или проблема альтернативности исторического развития" // Гуманитарная мысль Юга России, 2006 №1, стр. 73-75.

¹⁰¹ Л.М. Баткин, "Странная тюрьма исторической необходимости" // "Одиссей. Человек в истории", М. : Наука, 2000, стр. 73-74.

¹⁰² П.Ю. Уваров, "Развилки и игральные кости", стр. 85.

¹⁰³ М. Чешков, "Историческая сослагательность, постнеклассическая наука и развивающийся мир"// "Одиссей. Человек в истории", М. : Наука, 2000, стр. 14-20.

Наконец, только в перспективе сослагательных оценок возможно вообще какое-либо извлечение уроков из истории. Осмысление исторического опыта человечества, его ошибок и перспектив развития возможно только в перспективе сослагательного наклонения.

Также, если сослагательного наклонения нет, то и никакой моральной стороны дела тоже не может существовать. Мораль возникает только в перспективе выбора, только в перспективе сослагательного наклонения. Без субъюнктивности, без рассмотрения альтернатив и делаемых выборов, в механицистско-детерминистской лапласианской модели, события которой предопределены и не опосредованы человеческим волением, история представляет лишь перечисление предопределённых фактов, которые не могут иметь никакой моральной оценки. Если злодеяния и благодеяния тех или иных исторических лиц или сил мыслятся безальтернативными, предопределёнными, они не могут быть ни морально осуждены, ни морально одобрены.

«Без сослагательного наклонения любое осмысление будет изначально ущербным, исключаяющим усвоение уроков истории, – рассуждает историк И.В. Бестужев-Лада, – А ведь именно в уроках истории, если верить учебникам, суть и смысл занятий историей. И если то или иное событие могло произойти только так, как произошло – то какой отсюда урок? Например, если дикие злодеяния Ивана Грозного или Сталина, дикий волонтаризм Петра III, Павла I или Хрущева не имели никаких реальных альтернатив, – то какие отсюда можно вывести уроки, кроме тех, что если появятся новые Сталин или Хрущев, то новых злодеяний или волонтаризма всё равно не избежать?»

Совершенно иные выводы напрашиваются, если рассмотреть прогностические сценарии альтернативных вариантов развития событий при различных допущениях (например, устранение перечисленных или им подобных персонажей в самом начале их деятельности или вообще появление на их месте иных потенциально вполне реальных фигур). Тогда история предстаёт не как цепь фатально предопределённых событий, которые можно лишь констатировать, а как совокупность причинно-следственных процессов, которые при иных условиях вполне могли быть тоже иными. Главный урок истории в данном случае заключается в том, чтобы не допустить возникновения причин, ведущих к негативным следствиям и, напротив, обратить сугубое внимание на причины, порождающие следствия позитивные.

Другими словами, если у прошлого нет альтернатив, то их быть не может и у настоящего или будущего. Поскольку то и другое является всего лишь логическим продолжением прошлого. С этой позиции будущее предстает таким же фатальным, жёстко детерминированным, как и прошлое».¹⁰⁴

Точно так же фраза *"благодаря [чему-то]"* (напр. *"благодаря индустриализации удалось победить Гитлера"*) может иметь смысл исключительно в перспективе сравнения фактически осуществившейся истории с сослагательными альтернативами. Если сослагательных альтернатив не мыслится, то и никаких *"благодаря"* быть априори не может.

А.В. Бочаров во вступлении диссертации к.и.н. *"Проблема альтернативности исторического развития : историографические и методологические аспекты"* (историч. фак-т Томского государственного университета, 2002) пишет:

«Расхожие фразы о том, что история не имеет (не знает, не терпит, не допускает, не любит, в ней нет) сослагательного наклонения, или – историческая наука исключает (в ней не применимо, не допустимо) сослагательное наклонение, буквально загромодили публицистику, а отчасти и аргументы историков-профессионалов. Это явление могло бы стать интересным объектом исследования для меметики – науки, описывающей в терминах генетики размножение, распространение, отбор, мутации и смерть мемов – элементарных единиц, квантов культуры. Такими информационными квантами – мемами могут выступать в том числе и сформулированные идеи, литературные клише и обороты используемые авторами печатных работ. Жизнь мема можно представить по аналогии с траекторией распространения вируса, который может существовать только в клетке инфицированного носителя. Носителями мема *"история не имеет сослагательного наклонения"* в нашем случае являются рассуждения историков, посвящённые историческому опыту, *"урокам истории"*, выбору, сделанному субъектами исторической деятельности в переломных ситуациях, неожиданным изменениям хода событий под воздействием случайностей.

Характерно, что вслед за утверждением о недопустимости сослагательного наклонения в истории или перед ними очень часто звучат рассуждения именно в сослагательном наклонении. Это, с одной

¹⁰⁴ И.В. Бестужев-Лада, *"Ретроальтернативистика в философии истории"* // Вопросы философии, 1997 №8, стр. 113.

стороны, показывает необходимость этого самого “сослагательного наклонения” в изучении исторического прошлого, а с другой стороны, свидетельствует об отсутствии, или, по крайней мере, неразвитости методологической рефлексии по данной проблеме. Для значительной части отечественных историков вся методология по этому вопросу чаще всего сводится к ещё одному мему, а именно: “изучать то, что могло бы быть, следует для того, чтобы понять, почему всё произошло именно так, а не иначе”. Думается, что проблема альтернативности исторического развития в силу своей важности и сложности не должна сводиться к функционированию мемов. [...]

Альтернативность исторического развития это один из наиболее функциональных феноменов исторического сознания. Осознание или отрицание возможности иного хода событий часто служит основной причиной обращения к прошлому. Когда возникает осознание альтернативности исторического развития? Наверное, тогда, когда историки начинают объяснять ход событий не волей богов, а волей человека. Например, уже знаменитая книга Никколо Макиавелли “Государь” (“Князь”) переполнена рассуждениями в сослагательном наклонении. Впрочем, поиск изначальных историографических истоков темы альтернативности не входит в наши задачи. Работа посвящена только периоду, когда альтернативность исторического развития осознаётся как особая методологическая проблема, требующая специального изучения... »

Расширяющееся использование методов альтернативного моделирования также сближает развитие истории как дисциплины с происходящим в других областях знания. Философ А.П. Назаретян в статье “Знает ли история сослагательное наклонение?” отмечает что

«для современного ученого [естественника], в отличие от его классического предшественника, Вселенная и её составляющие – элементарные частицы, поля, атомы, звезды, галактики – такие же продукты эволюции, как биологические виды, экосистемы, государства и цивилизации. Таким образом, все современные дисциплины действительно становятся разделами единой исторической науки». При этом, парадоксальным образом, «по мере того как историческое мышление пронизывает биологию, геологию, антропологию, астро- и микрофизику, бросается в глаза забавное обстоятельство. Только социальные историки продолжают критически относиться к сослагательному наклонению, тогда как в естествознании альтернативное моделирование – прочно утвердившийся исследовательский приём [...] Рассматривая прошлое в сослагательном наклонении, естествоиспытатели раскрывают глубокие причинно-следственные связи реального мира и его эволюции. Но разве не выглядит гносеологическим (или психологическим) парадоксом тот факт, что чем более мы удаляемся от области человеческих эмоций, столкновения воли, сознательных решений и выборов, тем меньше возражений вызывают ссылки на альтернативные исторические возможности, случайности и варианты? Стоит добавить, что даже классическая механика предполагает вопросы типа: долетит ли тяжелое тело до земли быстрее, чем легкое, если сбросить их одновременно с одинаковой высоты? Экспериментально отвечая на подобные вопросы, физики строят концептуальную модель, которая способна предсказать результаты следующих экспериментов и наблюдений. [...] Выделив ключевые периоды в развитии общества, культуры или экономики, мы также можем аргументированно обсуждать варианты. Например, моделирование альтернатив в экономической истории США Р. Фогелем и Д. Нормом оказалось настолько содержательным, что за эти исследования авторам была присуждена Нобелевская премия по экономике 1993 г.». ¹⁰⁵

Ещё одна причина размышлять об исторических альтернативах заключена, по замечанию историка П.Ю. Уварова, в том, что несостоявшиеся и угасшие в истории альтернативы часто не уходят целиком и возрождаются в той или иной форме: «Нереализованная в прошлом возможность, вместо того чтобы отправиться на “свалку истории”, вполне способна в буквальном смысле слова свалиться на голову историку». ¹⁰⁶ «Нереализованная (не до конца реализованная?) альтернатива очень часто не умирает, – делает наблюдение историк С.А. Экштут – Она может напомнить о себе спустя несколько поколений, несколько столетий, а может быть даже несколько тысячелетий». ¹⁰⁷ Нельзя не вспомнить рассуждение С.В. Кизюкова. ¹⁰⁸

¹⁰⁵ А.П. Назаретян, “Знает ли история сослагательное наклонение? (Метаисторический взгляд на альтернативные модели)” // Философские науки, 2005 № 2, стр. 7–18.

¹⁰⁶ П. Уваров, Вступительное слово // “Одиссей. Человек в Истории”, 2000, стр. 6-8; П. Уваров, “Развилки и игральные кости” // “Одиссей. Человек в Истории”, 2000, стр. 79.

¹⁰⁷ Дискуссия // “Одиссей. Человек в истории”, М. : Наука, 2000, стр. 62.

¹⁰⁸ Об авторе см.: Мих. Диунов, “Голос русского удода: забытый Сергей Кизюков” // Русская Идея. – 24 февраля 2019 (<https://politconservatism.ru/blogs/golos-russkogo-udoda-zabytyj-sergej-kizyukov>); Е.С. Холмогоров,

«Существует избитая фраза: "в истории нет сослагательного наклонения". Её обычно применяют победители против побеждённых. Мол, победитель всегда прав, и уж если он победил, то это и есть вершина исторического развития, единственно возможный вариант реальности. На самом деле это, конечно, совсем не так. Тот, кто хоть раз сталкивался с анализом, к примеру, политических процессов, нередко убеждался, что история анализируемого общества, грубо говоря, "держится на соплях". То есть предсказать развитие событий вполне возможно, но при этом говорить о каких-то "трендах" не приходится – вся история, оказывается, зависит от пресловутого "дрожания левой ноги" современных кандидатов в наполеоны. *История – это сплошное сослагательное наклонение, которое никогда не становится изъяснительным.* Во всяком случае, до того момента, когда слова из Откровения Иоанна о том, что "времени больше не будет", обретут смысл.

Иными словами, если рассматривать историю как процесс, то следует признать, что в ней имеется много поворотных моментов, открывающих путь совершенно иной реальности. И ни одна историческая возможность не исчезает навеки. Как показывает жизнь, если упорно преследовать свою цель (мысли при этом рамками не одного поколения), то её можно и достигнуть.

Поэтому историю нужно рассматривать именно как "сослагательное наклонение". То, что уже произошло – вовсе не абсолютно, не навеки. Осуществить что-то противоположное уже случившемуся всегда возможно. Важно лишь суметь угадать поворотный момент, а здесь требуется историческая интуиция. Главное – не впасть в истерику, когда все моменты собственной жизни начинают считать поворотными (очень типично для российских интеллигентов). Это совсем не так – историческая деятельность сродни биржевой игре, тут надо угадать момент и сделать правильные ставки.

Именно поэтому появление таких направлений, как "контр-фактическая история" [...] и даже "историческое фэнтези" следует только приветствовать. Подобного рода литература избавляет от чувства исторической безнадёжности [...]

С точки зрения обывателя, считающего себя знатоком жизни и виртуозом "логики вещей", всё это, конечно, ерунда и праздные развлечения. Книжки о том, что во второй мировой войне победили нацисты, а Петлюра принимает парад украинских стрельцов, стоя на мавзолее (некто подобное недавно опубликовали в Киеве), могут вызывать усмешку и комментарии вроде "ну и бред!". Однако наступают времена, когда на голову обывателя сваливаются события, над которыми он раньше посмеивался – мол, это противоречит непобедимой "логике вещей". И он оказывается внутри мира, который совсем недавно считал "бредом". Это происходит сплошь и рядом – исторически побеждают упорство, романтический фанатизм и интеллектуальные конструкции. Побеждает сослагательное наклонение».¹⁰⁹

Восстановление обрубленной альтернативы русского исторического бытия лежит в центре идеологии *реставрации будущего* Е.С. Холмогорова, то есть «восстановления в правах того русского будущего, которое было утрачено в результате катастрофических различных форм смуты – "реформ", революций, завоеваний и гражданских войн».¹¹⁰

Некоторые альтернативы, однако, умирают безвозвратно. Если восстановление русского культурноносного слоя после перенесённого им большевицкого стратоцида хотя бы гипотетически представимо через 200-300 лет, то восстановление демографической численности русского народа к той его величине, какой бы она была без советского демоцида, невозможно и противоречило бы знаниям о природе и динамике демографического перехода.

"Человек с осиновым колом. Памяти Сергея Кизюкова" (<http://www.rus-obr.ru/ru-club/1072>), тж. "In Memoriam" (<https://holmogor.livejournal.com/2896944.html>); Константин Крылов, "Памяти друга" (<https://www.apn.ru/index.php?newsid=20946>), тж. запись дневника ЖЖ за 2008-10-31 (<http://krylov.livejournal.com/1725078.html>).

¹⁰⁹ Вадим Нифонтов [Сергей Кизюков], "Сослагательное наклонение" // Правое слово, 18 мая 2006 г. (<https://web.archive.org/web/20060518005340/http://www.pravaya.ru/column/7531>), курсив добавлен.

¹¹⁰ Е. Холмогоров, "Русский проект : Реставрация будущего", М. : Эксмо, 2005; Е. Холмогоров, "Реставрация будущего" // Изборский клуб, 2017 №6 (52), стр. 44-51; Е. Холмогоров, "Русские : Нация. Цивилизация. Государственность", М. 2020, стр. 192-210; <http://www.intelros.org/lib/statyi/holmogorov2.htm>.